

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО СИНТАКСИСА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ Н.РУБЦОВА)**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование,
профиль Русский язык и литература
заочной формы обучения, группы 02031351
Феоктистовой Анастасии Алексеевны

Научный руководитель
д. пед. н., профессор
Новикова Т.Ф.

БЕЛГОРОД 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава I. Трудные случаи и типология односоставных предложений.....	8
1. К истории вопроса об односоставных предложениях.....	8
2. Глагольные односоставные предложения.....	10
2.1 Определённо-личные предложения.....	11
2.2 Неопределенно-личные предложения.....	14
2.3 Обобщенно-личные предложения.....	16
2.4 Безличные предложения.....	19
2.5 Инфинитивные предложения.....	23
3. Именные (субстантивные) односоставные предложения.....	26
3.1 Номинативные предложения.....	28
3.2 Генитивные предложения.....	32
3.3 Вокативные предложения.....	36
Выводы по 1 главе.....	39
Глава II. Функциональные особенности односоставных предложений в лирике Н. Рубцова.....	41
1. Некоторые общие черты поэтического синтаксиса.....	41
2. Глагольные односоставные предложения и особенности их функционирования в поэзии Н. Рубцова.....	45
2.1 Определенно-личные предложения в лирике Н. Рубцова.....	46
2.2 Неопределенно-личные предложения.....	49
2.3 Безличные предложения.....	50
2.4 Инфинитивные односоставные предложения.....	53
3. Именные односоставные предложения и особенности их функционирования в поэзии Н. Рубцова.....	55
4. Трудные и переходные случаи односоставных предложений (на материале стихотворений Н. Рубцова).....	61
Выводы по 2 главе.....	70
Заключение	71
Список литературы.....	74

ВВЕДЕНИЕ

В синтаксической системе русского языка на протяжении его развития происходят изменения, приводящие к структурному и стилистическому перераспределению отдельных синтаксических конструкций, изменению условий их функционирования. Мы считаем, что изучение ведущих тенденций развития синтаксического строя необходимо для более полного представления о его современном состоянии, стилистически более разнообразном по сравнению с «классическим» синтаксисом. Еще большее разнообразие типов и вариантов приобретают синтаксические структуры в художественной речи, особенно в поэзии, где они (синтаксические единицы. – Далее СЕ) приобретают неожиданные качества, которые, в свою очередь, вызывают изменения в семантике и функциях этих языковых единиц.

С другой стороны, исследования языка художественной литературы, и в особенности языка поэзии, приобрели в последнее время особую значимость и актуальность. Это связано с усилением внимания к филологическому анализу текста, с реализацией интегративного подхода к анализу языка отдельных произведений и отдельных авторов. Но более активно ведется исследование языка классической поэзии и поэзии Серебряного века, менее активно – современной поэзии (а именно второй половины XX - начала XXI вв). Поэтому считаем, что обращение к исследованию поэтического языка Николая Рубцова, поэта 60-70 гг. XX в., **актуально** в настоящее время.

Поэзия Н. Рубцова, одновременно простая, искренняя и по-своему сложная, богатая смыслами, которые сразу не раскроешь, мало исследована. Особенно этот факт справедлив по отношению к исследованиям в области языка. Между тем язык рубцовских стихотворений - естественный, близкий к разговорному, выразительный - заслуживает специальных исследований.

Имеющиеся статьи и работы - в основном, о жизни и творчестве Николая Рубцова вообще. Это такие издания, как: В. Кожин «Николай Рубцов. Заметки о жизни и творчестве поэта»; В. Дементьев «Предвечернее»; В. Оботуров «Искреннее слово»; М.А. Бондаренко «Поэзия Николая Рубцова»; Н.Н. Зуев «Николай Рубцов и национальная поэтическая традиция»; Н. Коняев «Ангел Родины»; А.П. Фиронов «Свет погасшей звезды. Поэзия Н.М. Рубцова в современном восприятии» и др. В этих работах предприняты также попытки языкового анализа, однако преимущественно лексических и выразительных средств языка. К сожалению, почти нет работ, где бы специально рассматривался язык стихотворений, специфика их поэтического синтаксиса.

Язык и стиль произведений Н.М. Рубцова до сих пор ждет фундаментальных исследований. Этот факт в первую очередь определяет **актуальность** исследования. Выбор в качестве объекта наблюдения именно синтаксических явлений в поэзии Рубцова тоже объясним: особенности языка любого поэта и писателя в первую очередь просматриваются на лексическом и синтаксическом уровне, на что указывают лингвисты: И.И. Ковтунова, М.Н. Кожина, П.А. Лекант, Е.С. Скобликова, О.Б. Сиротинина и многие другие.

Выбрав в качестве объекта наблюдения синтаксис стихотворений Рубцова, мы сосредоточились на односоставных предложениях. Почему именно односоставных? Односоставные предложения широко представлены в поэзии Рубцова. Это может увидеть даже не специалист. Всем известны такие строки из стихотворений Н. Рубцова:

«Тихая моя родина! /Ивы, река, соловьи...» («Тихая моя родина»)

«Россия, Русь! Храни себя, храни!» («Видения на холме») и др.

К подобному выводу приходят также исследователи содержательной стороны творчества Рубцова: например, белгородский исследователь А.П. Фиронов утверждает: «В стихах Рубцова использование «я» сведено к минимуму, причем практически никогда оно не несет на себе основной

смысл нагрузки: *«Где же погост? Вы не видели?/ Сам я найти не могу...»*. Отсюда - обилие безличных неопределенно-личных, определенно-личных предложений, т.е. предложений без подлежащего» [Фиронов, 1998, 113].

Таким образом, выбор темы был определен, прежде всего интересом к поэзии Н. Рубцова и желанием подтвердить некоторые выводы и сообщения, проявившиеся в ходе изучения современной литературы, и на языковом уровне увидеть специфику его стиля (в частности, показать роль односоставных предложений в лирике Рубцова).

В процессе анализа стилистико-синтаксических средств в поэзии Н.М. Рубцова, мы ориентировались на определенные синтаксические теории. Как верно пишет М.Н. Кожина: «В синтаксисе анализируется не конструкция, не тип, не схема сама по себе без отношения к конкретному содержанию, как это делается в сугубо лингвистическом исследовании (т.е. в плане языка), а всякий раз схема берется в аспекте определенного содержания, изучается конкретное предложение, а не схема его. Средства языка рассматриваются непременно в контексте (в узком и широком), в их контекстуальных значениях. Чисто языковой аспект здесь лишь база, исходная позиция, но не цель, что характерно для собственно лингвистических исследований...» [Кожина, 1966, 33]. Также одним из принципиальных положений нашего исследования стало утверждение В.В. Виноградова о том, что «поэтическая функция языка опирается на коммуникативную, исходит из нее, но воздвигает над ней подчиненный закономерностям искусства новый мир речевых смыслов и соотношений» [Виноградов, 1962, 14].

Объект нашего исследования – поэтический синтаксис, его особенности и трудные случаи толкования и функционирования. **Предмет** исследования – особенности функционирования разных типов односоставных предложений в поэтическом тексте (на материале стихов известного русского поэта Н.М. Рубцова).

Цель нашего дипломного исследования – установить особенности поэтического синтаксиса и показать проявление этих особенностей на

конкретном поэтическом материале (в частности, на собранном материале определить особенности функционирования отдельных типов односоставных предложений в поэтическом контексте Николая Рубцова).

Задачи были направлены на обзор теоретического материала, на сбор и классификацию языковых примеров и фактов, а именно:

- изучить лингвистическую литературу, в которой рассматриваются острые проблемы и переходные случаи в семантике и структуре односоставных предложений;
- рассмотрев теоретические проблемы, связанные с типологией односоставных предложений, дать описание синтаксической теории, исходя из положений и выводов которой, производить отбор и классификацию лингвистического материала;
- определить некоторые общие черты поэтического синтаксиса;
- собрать лингвистические факты, дающие представление о функционировании односоставных предложений в поэзии Н. Рубцова;
- классифицировать собранный лингвистический материал в соответствии с избранной синтаксической теорией;
- описать типы односоставных предложений в поэзии Рубцова и смысловые и функциональные особенности, приобретаемые ими в поэтическом тексте.

Приводимые в качестве примера языковые факты - отрывки из стихотворений Н. Рубцова - цитируются по изданиям: Н.М. Рубцов «Подорожники» (1985), Н.М. Рубцов «Улетели листья» (1998), Н.М. Рубцов «По струнам души» (2017). Всего нами собрано и классифицировано около 200 языковых фактов (в работе приводится лишь часть собранного методом сплошной выборки материала).

Собранный лингвистический материал - примеры предложений и микротекстов из поэзии Рубцова - имеет практическую ценность: его можно использовать при работе в школе в качестве дидактического

материала по теме «Односоставные предложения», на уроках словесности и факультативных занятиях, в ходе лингвистического анализа поэтических текстов в школе и вузе. В этом мы видим **практическую значимость** работы.

Апробация материалов работы и обсуждение заявленной проблематики осуществлялось на студенческих семинарах, на Международном форуме «Белгородский диалог-2018», на Международной конференции «Традиционные культуры народов мира: история, интерпретация, восприятие» (14.11.2018).

Исследование особенностей поэтического синтаксиса Н. Рубцова может быть продолжено, например, сравнение функций односоставных и двусоставных предложений, использование изобразительно - выразительных средств и черты экспрессивного синтаксиса и т.п. Как уже было отмечено, серьезные исследования поэтического синтаксиса языка великого русского поэта Н. Рубцова еще впереди, что подтверждает **перспективность** исследования.

Структура работы. Выпускная квалификационная работа состоит из двух глав (теоретического обоснования и практического исследования языка на конкретном художественном материале), а также введения, заключения и списка литературы.

ГЛАВА I. ТРУДНЫЕ СЛУЧАИ И ТИПОЛОГИЯ ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

1. Из истории вопроса об односоставных предложениях

В истории русского языкознания вопрос о сущности односоставного предложения, его грамматической природе, решается по-разному.

Представители логического направления (А.Х. Востоков, Ф.И. Буслаев) рассматривали односоставные предложения как **неполные**, поскольку в предложении как синтаксической единице предусматривалась обязательная двучленность структуры, связанная с построением логического суждения, которое мыслилось только как двучленное.

Не была достаточно выявлена специфика односоставных предложений и лингвистами психологического направления, признавшими основой предложения сказуемое (А.А. Потебня, Д.Н. Овсянико-Куликовский). Без сказуемого предложение считалось невысказанным, т.к. только сказуемое способно выразить «особое движение мысли, известное под именем предикции» (Д. Н. Овсянико-Куликовский). Естественно поэтому, односоставные предложения, имеющие в качестве главного члена форму именительного падежа существительного (номинативные предложения) признавались **неполными**. А.М. Пешковский, связывая категорию сказуемости (как категорию, создающую предложение) с формами глагола или словами, связанными с этими формами, также сужал круг семантико-структурных типов предложения. Так, номинативные предложения он квалифицировал как «имеющие в своём составе сказуемое - именительный падеж существительного» [Пешковский, 1956, 167-181].

Большое внимание односоставным предложениям в русском языке уделил А. А. Шахматов. Называя одночленные предложения односоставными, А. А. Шахматов в соответствии с распространённым пониманием коммуникации как психологической основы предложения дает

новое толкование предложению с одним главным членом: «Член предложения, соответствующий по своему значению сочетанию субъекта с предикатом, мы назовем главным членом, главным членом односоставного предложения; в односоставных предложениях, таким образом, не нашло себе словесного выражения то расчленение, которое с несомненностью обнаруживается в самой коммуникации» [Шахматов, 1941, 30].

Признание двусоставного предложения в качестве образцовой модели предложения приводит А.А. Шахматова к определению односоставной структуры по аналогии с двусоставным предложением, то есть к сближению её главного члена то с подлежащим, то со сказуемым. При этом учёный замечает: «Главный член бесподлежащих предложений по форме своей соответствует сказуемому двусоставного предложения. Но, конечно, это не сказуемое, точно так же как в односоставных подлежащих предложениях нельзя говорить о подлежащем» [Шахматов, 1941, 61]. Отсюда и некоторая непоследовательность в шахматовской классификации односоставных предложений: подлежащие, бесподлежащие, вокативные и безличные.

Особый интерес исследователей вызвали центральные и самые пестрые по составу группы односоставных предложений - безличные и номинативные. Наиболее значительны в этой области работы Е.М. Галкиной-Федорук «Безличные предложения в современном русском языке» и К. А. Тимофеева «Инфинитивные предложения в современном русском языке», впервые опубликованные в коллективной монографии «Вопросы синтаксиса современного русского языка» еще в 1950 г. Также добавим, что вопросы типологии односоставного предложения глубоко разработаны в трудах В. В. Бабайцевой, П. А. Леканта, Е.С. Скобликовой, Ю. Т. Долина и других современных лингвистов.

2. Глагольные односоставные предложения

Грамматическим центром односоставных предложений является один независимый главный член, с помощью которого выражается предикативность. Различия в форме главного члена служат основой для выделения **типов односоставных предложений**.

В современном русском языке существуют два типа односоставных предложений: глагольные и именные. В глагольных односоставных предложениях утверждается независимый признак (действие): «*В саду пели; Всем придётся подождать*». В именных односоставных предложениях утверждается или отрицается бытие предмета: «*Полночь; Опять зима*».

По мнению П. А. Леканта, «отношение действия к деятелю служит одним из оснований деления глагольных односоставных предложений на пять видов: определённо-личные, неопределённо-личные, обобщённо-личные, безличные, инфинитивные» [Лекант, 1974, 75]. Выделение и разграничение указанных видов глагольных односоставных предложений проводится с учётом: а) морфологических особенностей глагольных форм и условий их независимого употребления; б) отношения действия к деятелю, к синтаксическому лицу; в) выражения синтаксического времени. Совокупность этих характеристик позволяет противопоставлять один вид предложений другому.

Отдельные признаки в предложениях разных видов могут совпадать. Например, глагольная форма 2-го лица может быть употреблена в определённо-личных предложениях «*Не откроешь ли мне эту дверь?*» и в обобщённо-личных «*Эту дверь не откроешь*»; эти предложения различаются выражением синтаксической категории времени: первое имеет значение будущего времени, второму свойственно значение вневременности. Аналогичное совпадение можно отметить для формы 3-го лица множественного

числа, которая употребляется в неопределённо-личном предложении «*Нам читают лекции*» и в обобщённо-личном «*Цыплят по осени считают*»; предложения также различаются категорией времени (первое можно перевести в прошедшее время - *читали*, второе не допускает перевода).

Главный член глагольных односоставных предложений по своему грамматическому значению отличается от зависимого главного члена двусоставных предложений - сказуемого. Основная черта сказуемого - соотносительность с подлежащим: грамматическое подчинение подлежащему, выражение признака, отнесённого к данному субъекту «*Город спит, Дети спят*» и др. Главный член односоставного предложения является независимым, выраженный в нём признак не отнесён к субъекту «*В доме уже спят*», поэтому называть такой член сказуемым неправильно и в последующей характеристике структуры глагольных односоставных предложений мы будем пользоваться вслед за П.А. Лекантом термином **главный член односоставного предложения** [См. Лекант, 1974, 77].

Односоставные определённо-личные предложения в поэтических текстах Николая Рубцова встречаются чаще остальных и поэтому описание особенностей их функционирования, как в прозе, так и в поэзии, занимает одно из важных мест нашего исследования.

2.1 Определённо-личные предложения

Определённо-личные односоставные предложения - это предложения, обозначающие действия непосредственных участников диалога: говорящего и его собеседников. Сказуемое в них употребляется в формах 1-го и 2-го лица (ед. и мн. числа) настоящего или будущего времени и повелительного наклонения. Например: *Расскажу тебе всё при встрече/Расскажешь мне всё при встрече/Расскажи мне всё при встрече/Давайте расскажем всё на собрании* и под. Предложения эти по семантике и структуре очень близки к

личным двусоставным предложениям. Почти всегда соответствующую информацию можно передать двусоставной конструкцией, включив в предложение подлежащее *я, ты, мы* или *вы*: *Я расскажу тебе всё при встрече. Ты расскажешь мне всё при встрече* и т.д.

Предложение остаётся полным и без подлежащего в тех случаях, когда подлежащее и личные окончания глагольной части сказуемого выражают одни и те же значения, семантически повторяя, дублируя друг друга. Такое положение наблюдается только при употреблении глагольных форм 1 и 2 лица. Подлежащее *я, ты, мы, вы* новой информации здесь не добавляют, оказываются информативно избыточными. Необходимо добавить, что при любой другой грамматической форме сказуемого подлежащее является не избыточным, а необходимым компонентом предложения: одно сказуемое не обеспечивает полноты личного предложения. Так, в отличие от форм настоящего и будущего времени, формы прошедшего времени не имеют категории лица и потому никогда не указывают на определённого производителя действий. Например, *шёл* требует отдельного словесного выражения субъекта: *кто шёл? что? - я, ты, он отец, Коля, приятель, снег, трамвай?*. В той же мере необходимым подлежащее является и при глаголах настоящего или будущего времени, если они стоят в 3 лице: *приедет, приедут, растёт, растут* и т.д.: окончания глаголов 3 лица указывают только на то, что субъектом действия не является ни говорящий, ни его собеседник. Например, сказуемое *придёт* оставляет неясным, *кто* (или *что*) *придёт*: *учительница, уборщица, время, такси?* Поэтому при употреблении в сказуемом форм прошедшего времени, а также форм 3 лица настоящего, будущего времени и повелительного наклонения без подлежащего предложение вне контекста и определённой ситуации остаётся **информативно недостаточным** и представляет собой **неполное двусоставное предложение**.

Таким образом, при отсутствии подлежащего личное предложение может оставаться полным и оцениваться как односоставное в очень узких грамматических рамках. Соответственно, очень узкую, небольшую группу представляет собой и сама группа определённо-личных односоставных предложений.

Мы считаем это положение принципиально важным для нашей работы, так как исходя из этого мы ограничили круг примеров определённо - личных предложений из исследуемого художественного материала. Также считаем необходимым отметить в нашей работе: несмотря на семантическое сходство предложений типа «*Сходи к нему* и *Ты сходи к нему*», наблюдается тенденция к известному разграничению их употребления: в побудительных предложениях преобладают односоставные бесподлежащие конструкции, например, в текстах Рубцова: «*Россия, Русь! Храни себя, храни...*».

Предложения без подлежащего при глаголах 1 и 2 лица настоящего и будущего времени наиболее употребительны в диалоге (особенно - в ответных репликах диалога). В повествовательных (монологических) текстах употребление односоставных предложений встречается в ряде частных случаев. Довольно употребительны они в авторских замечаниях по ходу изложения (нередко в составе сложных предложений); например: «*А теперь прекращаю связный рассказ. Буду в хронологическом порядке передавать эпизоды так, как они выплывают в памяти...*» (В. Вересаев). Сравните, однако, замечания, связанные с описанием конкретной, «сиюминутной» обстановки: «*В этих местах дороги я почему- то всегда вспоминаю картины Рериха*» (В. Песков) и др. примеры.

Несмотря на своеобразие условий употребления двусоставных и односоставных конструкций, между ними наблюдается очевидная живая связь. «Определённо-личные односоставные предложения не представляют собой моделей совершенно специфических, обособленных от моделей двусоставных предложений с подлежащими «я, ты, вы, мы» и могут рас-

смаатриваться как односоставный вариант этих предложений», - утверждает Е. С. Скобликова [Скобликова, 1977, 10]. Проведенный анализ и мнение ученых подтверждают наши выводы о недостаточной изученности такой синтаксической структуры, как односоставное предложение.

2.2 Неопределённо-личные предложения

В отличие от определённо-личных, неопределённо-личные предложения представляют собой совершенно самостоятельную структурно-семантическую разновидность предложений.

Структурную основу неопределённо-личных предложений составляет один главный член, выраженный глаголом 3 лица множественного числа. Изменяемость главного члена затрагивает в неопределённо-личных предложениях только категории времени и наклонения. Сравните: *«Его берут на должность директора - взяли - возьмут - взяли бы - пусть возьмут»*.

Односоставность присуща неопределённо-личным предложениям органически; включения в свой состав подлежащего они не допускают. Связано это с основной особенностью их грамматической семантики: действие обозначается в них безотносительно к конкретному его исполнителю. Это позволяет сосредоточить всё внимание на характере обозначаемой деятельности, полностью отвлекаясь от вопроса о действующих лицах. В этом отношении неопределённо-личные предложения резко отличаются даже от тех двусоставных, которые содержат лексически неопределённые обозначения действующих лиц, например: *В зале засмеялись. - Несколько человек в зале засмеялись. - Люди в зале засмеялись.*

Другую особенность семантики неопределённо-личных предложений составляет выражение с их помощью преимущественно проявлений

человеческой деятельности. В этом отношении они противостоят безличным предложениям. Ещё нагляднее это проявляется в поэтическом тексте: *Вот и я на больничном покое./И такие мне речи поют,/Что грешно за участие такое/Не влюбиться в больничный уют!* (Н. Рубцов).

Возможности коммуникативного использования неопределённо-личных предложений обусловлены особенностями их грамматической семантики. Предложения эти специализировались для обозначения таких проявлений человеческой деятельности, для сообщения о которых указание на конкретного исполнителя действия по разным причинам является неважным, ненужным или даже невозможным. В общих чертах об исполнителях действия нередко можно судить и по характеру самого действия. Эти особенности неопределённо-личных предложений позволяют активно их использовать в художественных текстах, в том числе поэтических.

При этом в одних случаях поводом для их употребления служит неизвестность действующего лица. Именно такие (и только такие!) предложения часто семантически близки к двусоставным предложениям с подлежащим *кто-то*. Такая близость естественна, неопределённое местоимение *кто-то* лексически подчеркивает неизвестность субъекта действия.

Отсутствие прямых выразителей субъекта действия позволяет акцентировать в неопределённо-личных предложениях отношение действия к объекту: в подавляющем большинстве неопределённо-личных предложений речь идёт именно о действиях, направленных на объект: относительно редким является употребление в них непереходных глаголов, типа: «*В дверь негромко постучали*» или приведенные ранее примеры из Н. Рубцова (см. выше).

Другое отличие связано с синтаксической ролью того слова, которое обозначает объект действия. В страдательных конструкциях, где слово это выступает в роли подлежащего, коммуникативная значимость его выше, чем в неопределённо-личных предложениях, где оно употребляется в качестве прямого дополнения. Имеют рассматриваемые конструкции и некоторые стилистические различия. Обе они являются межстилевыми: могут использоваться в любом стиле речи

В целом можно заключить: синонимическая близость неопределённо-личных предложений к тем или другим личным двусоставным конструкциям зависит от того, каков реальный характер субъекта действия, «игнорируемого» в структуре неопределённо-личного предложения. Если это неопределённый «коллективный» субъект, то ближе всего к неопределённо-личным предложениям стоят страдательные конструкции, для которых не выраженность субъекта действия тоже является особенностью обычной (хотя и необязательной - в отличие от неопределённо-личных предложений). Если реальный субъект, «скрывающийся» за неопределённо-личными конструкциями, - конкретное, хотя и неизвестное лицо, неопределённо-личные предложения выглядят близкими к двусоставным конструкциям с подлежащим *«кто-то»*, *«кто-нибудь»*. Иногда эти различия не имеют значения для понимания ситуации.

2.3 Обобщённо-личные предложения

Обобщённо-личные предложения - это такие предложения, где в формах 2 лица единственного числа глагольного сказуемого формулируются наблюдения, связанные с обобщающей характеристикой определённых предметов, жизненных явлений и ситуаций: *«Из песни слова не выкинешь»* (Пословица), *«Дни поздней осени бранят обыкновенно»* (А. Пушкин).

Характеризуемый объект обычно оказывается ясным из контекста, в котором употреблено обобщённо-личное предложение.

В отличие от внешне сходных с ними определённо-личных предложений с глаголами 2 лица, в предложениях обобщённо-личных никогда не говорится о конкретных действиях слушающего; с помощью форм 2 лица единственного лица в обобщённо-личных предложениях подчёркивается, что сообщаемые наблюдения касаются любого человека. Е.С. Скобликова считает, что «с этой семантической особенностью обобщённо-личных предложений связано их грамматическое отличие от предложений определённо-личных...» [Скобликова, 1977, 18].

Одна из важнейших семантических особенностей обобщённо-личных предложений состоит в том, что употребляются они при выражении только таких наблюдений, которые представляются говорящему бесспорными, аксиоматичными, поскольку они естественно вытекают из объективных особенностей наблюдаемого явления или ситуации.

Но вместе с тем в семантических и стилистических особенностях обобщённо-личных предложений сохраняется известная связь с конкретно-личной семантикой 2 лица 2 лицо обобщённо-личных предложений содержит как бы намёк на то, что говорящий приглашает реального или воображаемого собеседника к совместным наблюдениям, во многих случаях, и к сопереживанию. Благодаря этому содержание обобщённо-личных предложений воспринимается как результат поиска, размышлений, осуществляемых говорящим в своеобразном контакте с собеседником. С этим связана постоянная эмоциональная окрашенность обобщённо-личных предложений: они имеют отпечаток задушевно-лирического общения с собеседником, что естественно ограничивает возможности их стилового использования; в официальных стилях употребление обобщённо-личных предложений исключается, зато более широкое применение они находят в художественном стиле, в том числе - в поэзии: *«Стучается, в стране чужой/*

среди людей сидишь как свой./Неважно, ты или другой,/ сидишь до слёз им дорогой....» (К. Симонов)

Наличие всех этих семантических и стилистических особенностей обуславливает ещё один важный компонент грамматического значения обобщённо - личных предложений - значение личной причастности любого лица к наблюдениям.

Вся совокупность семантических, стилистических и грамматических особенностей резко отличает обобщённо-личные предложения от предложений неопределённо-личных. Обобщённо-личным предложениям свойственна семантика объективности, необходимости наблюдаемых явлений. Для неопределённо-личных - семантика их обычности. Даже в тех немногих случаях, когда неопределённо-личные предложения обнаруживают известное смысловое сходство с обобщённо-личными, оба типа предложений сохраняют не только своеобразную структуру, но и характерные различия своей грамматической семантики.

Несколько особое место занимают среди рассматриваемых конструкций предложения с формами повелительного наклонения (2 лица единственного числа). Если эти формы сохраняют прямое - побудительное значение, то содержащееся в них обобщение коллективного опыта часто воспринимается и используется в конкретно-личном смысле, как пожелание, обращённое к собеседнику. Таково, например, использование пословиц типа *«По одежке протягивай ножки»*. Значение личной причастности говорящего и любого другого лица (характерное, как выяснялось выше, для предложений с формами 2 лица единств. числа изъявительного наклонения) здесь затемнено.

В целом резко отграниченными от личных предложений оказываются те односоставные обобщённо-личные конструкции, главный член которых выражен формой 2 лица единственного числа изъявительного или сослагательного наклонения.

Обобщённо-личные предложения нередко имеют черты предложений переходного типа - промежуточных между обобщённо-личными и

собственно личными: семантика многих из них сохраняет связь с грамматической семантикой личных предложений: таковы двусоставные предложения с подлежащими *ты* и *вы*, а также односоставные предложения с формами повелительного наклонения.

2.4 Безличные предложения

По сравнению с определённо-личными, неопределённо-личными и обобщённо-личными предложениями предложения безличные гораздо более многообразны и по грамматической структуре, и по своим семантическим возможностям. Вместе с тем все разновидности безличных предложений характеризуются некоторыми общими особенностями в выражении главного члена и общими чертами грамматической семантики. Для выражения их главного члена характерно использование специфически «безличных» форм 3 лица единственного числа или среднего рода. В этих формах употребляются в них знаменательные и связочные глаголы, страдательные причастия; форму, внешне совпадающую с краткими прилагательными среднего рода, имеют обычно и слова категории состояния, широко употребляемые в качестве главного члена безличных предложений. См., например: *«Морозило... Даже от собачьего бега в лесу похрустывало»* (В. М. Песков); или в поэзии: *«Сколько сору прибило к берёзой/Разыгравшейся полой водой!»*; *«Всё сольётся в памяти невольно,/ Отзовётся в сердце и в крови./Станет как-то радостно и больно,/ Будто кто-то шепчет о любви»* (Н. Рубцов)

В чём видится семантическое своеобразие безличных предложений? Прежде всего, по сравнению с другими типами односоставных предложений, безличные предложения характеризуются более широкой сферой употребления. Так, содержание определённо-личных, неопределённо-личных, обобщённо-личных предложений обязательно связано с ситуациями, относящимися к лицу. Главный член их всегда обозначает именно действия, состояния, наблюдения человека. В содержании безличных предложений этого ограничения нет. Они могут передавать состояние человека или

животного; состояние окружающей среды; состояние развивающихся событий и др. Определяющей особенностью грамматической семантики безличных предложений является значение стихийности, произвольности выражаемого состояния. Например, у Рубцова: *«Когда за окном потемнело,/ Он тихо потребовал стички./В полях сверкало. Близилась гроза»*.

Не менее важной и характерной является другая особенность семантики безличных предложений. «Самим их употреблением подчёркивается, что выражаемый в них признак является результатом действия неопределённой совокупности стихийных сил или объективных обстоятельств и потому не имеет прямой связи с каким-либо отдельным субъектом» (См. подробнее у Н.С. Валгиной, Е.С. Скобликовой). Сравните, например: *«В горнице моей светло»* (Рубцов) и *«Горница светлая»*. Как видим, признак, передаваемый в безличном предложении, объективно не может быть приписан определённому предмету, и замена безличного предложения двусоставным в вышеприведённом примере невозможна, так как это изменяет коренным образом смысл.

Как показывает вышеприведённое сравнение двух предложений, при обозначении ситуаций выражаемый признак не всегда ограничен рамками предмета, обозначенного подлежащим. Так, носителями признака (см. выше) оказывается не только предмет, являющийся его непосредственным источником (*горница*), но и окружающее пространство. «Безличное сказуемое выражает, таким образом, признак «незамкнутый», не ограниченный рамками определённого субъекта» [Скобликова, 1977, 30]. В то же время для многих безличных предложений характерно использование второстепенных членов, которые уточняют «границы» проявления признака. Обычны в этой роли, с одной стороны, обстоятельства, указывающие на место и время появления признака, с другой стороны, - дополнения, обозначающие лицо или предмет, по отношению к которому имеет силу данный признак: *«Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской короны,/ Но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей!»* (Н. Рубцов).

Ситуативный признак, выражаемый в безличном предложении, далеко не всегда может быть непосредственно приписан тому предмету, в границах которого он проявляется. Ср., например предложения; «*В зале было шумно*» (В. Шукшин) и «*В горнице моей светло*» (Н. Рубцов), в которых обстоятельство места не допускает трансформации в подлежащее двусоставной конструкции.

Рассмотрим более подробно структурно-семантические разновидности безличных предложений, исходя из способов грамматического выражения их главного члена - сказуемого.

Основными для безличных предложений являются следующие формы выражения сказуемого: а) знаменательный глагол в безличной форме; б) слово категории состояния (в другой терминологии - безлично-предикативное наречие, или безличный предикатив); в) слово категории состояния или вспомогательный глагол в безличной форме плюс инфинитив знаменательного глагола.

Все разновидности глагольных безличных предложений представляют собой модели семантически и лексически ограниченные. В каждой из таких моделей употребляется узкий лексический круг самих глаголов. Немногими словами ограничен нередко и лексический состав второстепенных членов. Добавим: предложения с глаголами без *-ся* нередко обозначают непроизвольное болезненное состояние живого существа, чаще всего состояние физическое. Более узкая «локализация» болезненного процесса при одних глаголах иногда выражается при помощи обстоятельства места «*в глазах потемнело*» (В. Шукшин); «*Пахнет ёлками и снегом/ Бодро дышит грудь...*» (Н. Рубцов). С помощью глагола здесь обозначается процесс стихийного распространения в воздушной среде таких объектов, как запах, тепло, холод, и - одновременно - процесс восприятия этих объектов органами чувств.

По сравнению с безличными предложениями глагольного типа, безличные предложения со сказуемым, выраженным категорией состояния, представляют собой группу гораздо более единую и вместе с тем в некоторых отношениях более универсальную по своим семантическим

возможностям. Предложения эти в равной степени могут использоваться для сообщения о состоянии окружающей среды и о состоянии живого существа *«Мне было холодно»*; о состояниях физических и состояниях психических *«Мне стыдно»*, о состояниях характера *«Мне тоскливо»*.

Несомненно составляя единую группу, безличные предложения с категорией состояния вместе с тем несколько различаются в зависимости от того, выражается ли в них 1) состояние окружающей среды; 2) состояние живого существа (чаще всего человека - лица) или 3) «состояние дел». Например, в стихах Рубцова: *«И холодно так, и чисто/И светлый канал волнист...»*; *«У меня на сердце одиноко./Больно мне, если слышится рядом /Слабый плач перепуганных птиц...»* .

Широта той характеристики ситуации, которая дается в предложениях с категорией состояния, особенно наглядно проявляется в безличных предложениях с однородными сказуемыми. Е.С. Скобликова считает, что «самый факт объединения в одном ряду таких сказуемых (на первый взгляд, разноплановых) - объективное свидетельство комплексности характеристики, даваемой в предложениях с категорией состояния, и одновременно - свидетельство тесного единства всех разновидностей рассматриваемых предложений» [Скобликова, 1977,41]

Безличные предложения со сказуемым, выраженным сочетанием личного глагола и инфинитива или сочетанием категории состояния и инфинитива семантически очень разнообразны и вместе с тем характеризуются общим назначением. Они всегда выражают оценку объективных условий для осуществления того действия, которое названо инфинитивом. С помощью слов категории состояния или безличных глаголов возможности для осуществления действия характеризуются в них очень многообразно. При употреблении с инфинитивом слов с относительно конкретным значением (*страшно, рано, пора* и т.д.) содержание безличных предложений оказывается очень экономным и емким. Такие предложения как бы включают в свою семантику и ту или иную абстрактную модальную

оценку («можно», «нельзя» и под.), и её обоснование через указание на конкретные условия реализации действия. Например: «*Пора обдумать*».

При анализе предложений этого типа следует иметь в виду некоторые трудности, связанные с семантической сложностью этих очень сжатых, «экономных» конструкций. Например, серьёзная трудность связана с тем, что рассматриваемые предложения в некоторых случаях могут быть интерпретированы не только как безличные, но и как двусоставные - такие, в которых подлежащее выражено инфинитивом, а сказуемое - кратким прилагательным (среднего рода). Например: «Однако в большинстве случаев слова на -о типа *легко, трудно* и др., в сочетании с инфинитивом образуют всё-таки не двусоставную, а безличную конструкцию,» - утверждает Скобликова [Скобликова, 1977, 44]. Представляется достаточно очевидным, что обычно и предложения этого типа («*Inf. + было приятно/хорошо*» и под. стоят в ряду безличных конструкций, характеризующих не действие как таковое, а условия его совершения - физическое или эмоциональное состояние, способствующее или препятствующее совершению действия.

2.5 Инфинитивные предложения

«Инфинитивные предложения - это такие односоставные предложения, сказуемое которых выражено грамматически независимым инфинитивом» [Скобликова, 1977, 463]. Эта конструкция весьма частотна для поэтического синтаксиса, например: «*Плыть, плыть, плыть/Мимо родной ветлы,/Мимо зовущих нас/Милых сиротских глаз...*» (Н. Рубцов)

Независимость инфинитива в сказуемом грамматически отличает инфинитивные предложения от тех безличных, которые тоже содержат инфинитив в составе сказуемого. В безличных предложениях инфинитив грамматически подчинён безличному глаголу или категории состояния: *хочется* (что сделать?) *пойти*. В семантическом отношении инфинитивные предложения имеют с указанной разновидностью безличных существенное сходство. Проявляется оно в единстве их общих семантических функций. И в

тех и в других предложениях в центре внимания находится действие, оценка условий и возможностей его реализации.

Не совпадают в безличных инфинитивных предложениях грамматические способы выражения модальной оценки действия.

1) В безличных предложениях с инфинитивным компонентом сказуемого разнообразие оценок достигается употреблением знаменательных слов, подчиняющих себе инфинитив - таких, как *можно, нельзя, нужно* и др. В инфинитивных предложениях отношение к реализации действия выражается в основном с помощью интонации, служебных слов, (частиц), вида глагола, некоторых «специализированных» местоименных компонентов. Например, интонацией и наличием или отсутствием частицы *бы*, различаются предложения, передающие; с одной стороны, побуждение к действию, с другой - просто желательность действия для самого говорящего: Сравните: - «*Лечь!*» - «*Лечь бы...*». Интонацией и употреблением разных видовых форм глагола различаются отрицательные предложения типа «*Не забыть подвига павших!*»

Кроме того, инфинитивные предложения отличаются от безличных ещё и большей специализацией целевого назначения; многие из них употребляются только в побудительном, только в вопросительном значении, только для констатации желательности действия и т.д.

Именно с различиями коммуникативного назначения связаны разновидности инфинитивных предложений. Обратимся к рассмотрению таких разновидностей.

Предложения побудительные в соответствии с общими особенностями инфинитивных конструкций передают побуждения далеко не любые; только приказ (распоряжение), призыв, наказ то есть побуждения категорические, активные и «строгие» (иногда грубые), например: «*Ночью не спать, ни в коем случае не спать*» (К. Симонов). По сравнению с содержанием предложением, сказуемое которых выражено повелительным наклонением, семантика инфинитивных побудительных предложений часто является более ёмкой.

Именно выражение принципиальной необходимости или невозможности определённых действий (с точки зрения говорящего) обуславливает обычное для инфинитивных предложений отсутствие субъекта действия.

Вопросительные инфинитивные предложения включают в себя две грамматические и семантические разновидности - модели без вопросительных местоимений слов и модели с вопросительными словами. Вопросы, относящиеся к ситуации известной, легко могут приобретать отрицательное значение, если говорящий знает о фактическом отсутствии условий для осуществления действия.

Предложения, констатирующие необходимость или невозможность осуществления действия: утвердительные и отрицательные. В утвердительных инфинитивных предложениях выражается необходимость, неизбежность действия или (чаще) состояния, то есть общее значение необходимости в широком его понимании: *«Лучше разным существам/В местах тревожных - не встречаться...»* (Н. Рубцов)

Обязательным компонентом таких предложений является дательный падеж дополнения, обозначающий объект, на который распространяется необходимость выражаемого состояния. Предложения этого типа являются предложениями малоупотребительными.

Гораздо употребительнее и многообразнее предложения отрицательные. Как и в группе вопросительных инфинитивных предложений, в их составе различаются две модели, одна с обязательным употреблением отрицательного местоименного компонента типа *никого, ни-где*, другая - без такого компонента. Предложения без местоименного слова используются для выражения неосуществимости действия, недостижимости его результатов (общее значение невозможности): *«Не порвать мне мучительной связи с долгой осенью нашей земли»* (Н. Рубцов).

Другая разновидность - предложения, констатирующие желательность-нежелательность действия. Почти постоянной грамматической приметой этих предложений является частица *«бы»*: *Хоть бы солнышко в полглаза*

увидеть!» (К. Паустовский). Благодаря сообщаемому этой частицей значению предположительности, многие из инфинитивных конструкций, выражающих желательность имеют в то же время семантический оттенок несбыточности или, по крайней мере, трудно исполнимости желаемого (часто в последующем тексте, в предложениях с союзом *но*, имеются прямые указания на такую несбыточность. Поэтому нередко ими передаётся содержание тягостных размышлений, грустных мечтаний, эмоциональных порывов. Некоторые инфинитивные предложения связаны с выражением целеустремлённого желания - намерения, формирующегося в процессе реальной деятельности:

«Скорее спать!

Ночами надо спать!

Настойчиво кричат

Об этом коростели...» (Н. Рубцов)

Обозначая внутренний волевой импульс, как бы побуждение, обращённое к самому себе, предложения эти семантически соотносительны с собственно побудительными предложениями, а одновременно и с предложениями, выражающими необходимость действия.

Многосторонняя связь между разновидностями инфинитивных предложений является, как видно из предшествующего рассмотрения, их общим свойством. Эта связь - одно из свидетельств внутреннего единства всей рассматриваемой группы односоставных предложений.

3. Именные (субстантивные) односоставные предложения

Общее грамматическое значение именных односоставных предложений включает выражение бытийности и предикативности. Бытийность - специфическая черта именных односоставных предложения. Бытийность, выраженная в предложениях *Весна; Воды-то!* и т.п., является грамматическим значением, сопутствующим лексическому значению существительных. Значение бытийности возникает вследствие употребления

указанных форм существительных в независимой позиции. Выражение бытийности - это условие превращения слова в предложение.

О грамматическом характере значения бытийности, или «экзистенциальности» говорил А. М. Пешковский, подчёркивая, что существительное «само уже, своим именительным падежом обозначает существование» [Пешковский, 1935, с. 157]. Соглашаясь с такой грамматической трактовкой бытийности, необходимо, однако, подчеркнуть, что это значение не свойственно самой форме именительного падежа, а обнаруживается только в предложении. Необходимым средством «превращения» слова в предложение является предикативная интонация, которая тем самым участвует в выражении бытийности. «Грамматическое значение бытийности является крайне отвлечённым и не имеет никаких градаций. Оно не зависит ни от лексического значения существительных, ни от принадлежности их к категориям собственных или нарицательных, одушевлённых или неодушевлённых, конкретных или отвлечённых» [Лекант, 1974, 95]. Бытийность следует считать грамматическим значением, которое возникает в предложении при употреблении существительного в независимой позиции.

Грамматические значения модальности и времени в именных односоставных предложениях лишены морфологической опоры. Однако эти значения получают вполне отчётливое выражение. Модальность выражается в односоставных именных предложениях с помощью интонации (ср.: *Зима - Зима?* и т.п.); синтаксическое значение времени выражается при помощи нулевого показателя: отсутствие глагола является показателем настоящего времени (*Полночь; Снегу-то!* и т.п.). Здесь мы имеем дело с «синтаксическим нулём» - формальным средством выражения грамматического значения. Именные односоставные предложения не образуют парадигмы временных форм, так как введение глагола в прошедшем или будущем времени коренным образом меняет синтаксическую позицию существительного и

способствует выражению бытийности лексическим путём (ср.: *Была полночь; Снегу-то было!*) - это мнение П. А. Леканта [Лекант, 1974, 97].

Различия в грамматической форме именных односоставных предложений являются основой их классификации. Наиболее существенные различия связаны с употреблением в роли главного члена именительного и родительного падежей существительных.

Наряду с общими значениями (бытийность, синтаксическое значение расширенного настоящего времени, выраженное отрицательными показателями) главный член в именительном или родительном падеже выражает специфическое значение. Поэтому в системе именных односоставных предложений целесообразно различать два структурных типа - **номинативные** (главный член выражен существительным в именительном падеже) и **генитивные** (главный член выражен существительным в родительном падеже). О них следует написать подробнее.

3.1 Номинативные предложения

Традиционная теория номинативного предложения, основы которой были разработаны А. А. Шахматовым и А. М. Пешковским, считает структурной основой данного типа существительное в именительном падеже; предложение может быть распространено словами, которые в качестве зависимых входят в словосочетание, формирующееся вокруг главного члена: ср. у Рубцова:

*«Тележный скрип, грузовики,
Река, цветы и запах скотский,
Еще бы церковь у реки, -
И было б всё по-вологодски».*

Однако в двусоставном предложении и при наличии обоих главных членов могут быть второстепенные члены, грамматическая форма которых непосредственно не обусловлена ни одним из наличных членов (не управляется ими). Эти второстепенные члены не входят ни в одно из словосочетаний, обнаруживаемых в составе предложения. Этот член относится ко всему предложению к целому, к его предикативной основе, образуемой сочетанием подлежащего и сказуемого; он распространяет не конкретное слово, не отдельный член предложения, а всё предложение. Это детерминирующий член [См. Русская грамматика, 1980, т. 2]. Основные свойства детерминантов - автономность (они не входят ни в одно из словосочетаний, образующих предложение), препозитивность и связанное с ней смысловое выделение. Присутствие детерминантов определяется структурой предложения. «Препозитивные второстепенные члены в предложениях *«В доме шум; У неё жар»* - детерминанты. Они относятся к структурной основе предложения, представленной номинативным главным членом, и являются самостоятельными распространителями предложения. Это означает, что они не могут рассматриваться как показатели двусоставности предложения», - утверждает П. А. Лекант [Лекант, 1974, 100]. Предложения с детерминирующими обстоятельственными и объективными второстепенными членами являются односоставными. Это положение признается и другими исследователями. Наличие детерминирующих второстепенных членов является существенным для структуры предложения. В отличие от членов, образующих с главным словосочетание, они не распространяют имя существительное как слово, как лексико-грамматическую единицу, а представляют собой структурный элемент предложения, помогающий выразить существенные элементы содержания [См. Золотова, 1967].

Номинативное предложение с детерминирующим второстепенным членом отличается от «классической» номинативного также интонацией.

«Классическому» номинативному предложению, как нераспространённому, так и распространённому, свойственна так называемая эмфатическая интонация, отсутствие повышений тона и пауз. В распространённом предложении такая структура интонации подчёркивает целостность словосочетания (*Первая послевоенная весна в Сибири*). Предложение с детерминирующим второстепенным членом интонационно расчленено: детерминант (вместе с пояснительными, распространяющими членами, если они есть) отделяется от главного члена (или группы главного члена, если при нём есть распространяющий второстепенный член) паузой; вершина тона приходится на детерминирующий член, а после паузы наблюдается значительное понижение тона (*На улице - дождь*). Такое интонационное расчленение подчёркивает отсутствие тесной синтаксической связи между главным членом и детерминантом.

П. А. Лекант считает, что «в номинативных предложениях выделяются два структурных вида - нерасчленённые и расчленённые» [Лекант, 1974,102]. В расчленённых номинативных предложениях кроме главного члена структурным элементом является детерминирующий второстепенный член. Распространяющие второстепенные члены, которые объединяются с главным членом или с детерминантом, определяются как факультативный элемент структуры; например, в поэзии Н. Рубцова:

«А дальше за лесом - большая деревня.

Вороны на ёлках, старухи в домах»

«Широко известное деление номинативных нерасчленённых предложений на указательные, бытийные и оценочные лишено не только единого логического основания, но и четких грамматических критериев», - считает П. А. Лекант. «Если они являются структурными вариантами номинативного предложения, то каждое (номинативное нерасчленённое) предложение должно варьироваться. Однако только некоторые предложения могут быть представлены в трёх вариантах (*Вот дерево - Дерево - Какое*

дерево!), другие же группы предложений не допускают варьирования или могут быть представлены лишь в двух вариантах (*Февраль; Тишина - Какая тишина!*) [Лекант, 1974,100-104].

Частица *вот* и лишь трансформирует бытийность - она указывает, что бытийность как бы отсчитывается с момента восприятия её говорящим (*Вот и солнце*); эмоциональная оценка восприятия бытия выражается с помощью специальных частиц (*какой, вот, вот так, ну и, что за, вот это* и т.п.) и восклицательной интонации. Общему значению бытийности придается оттенок субъективного восприятия и эмоциональной оценки предмета, бытие которого утверждается (*Какая тишина/; Ну и дом!*).

Таким образом, бытийность и время как важнейшие грамматические значения номинативного предложения получают несколько различное выражение в разных структурных вариантах, но основное содержание их общее для всех разновидностей номинативного предложения.

В толковании синтаксического значения главного члена номинативных предложений много противоречивого. Двойственность в определении природы главного члена проявилась уже в работах А.А. Шахматова. Выдвинутое им принципиальное требование не сближать главный член односоставного предложения ни с подлежащим, ни со сказуемым им же самим нарушается. По мнению Шахматова, в одних случаях главный член номинативного предложения имеет значение подлежащего в других - сказуемого.

Главный член любого номинативного предложения сочетает назывное значение с грамматическими значениями бытийности, настоящего времени, реальной модальности. Все другие значения для номинативного предложения несущественны: они являются либо следствием осложнения структуры (*Осень!- Вот осень - Вот и осень! - Какая осень!*), либо возникают в синтаксическом окружении как функциональные.

Теперь несколько выводов по расчленённым номинативным предложениям. Детерминирующие второстепенные члены в расчлененных

номинативных предложениях имеют значение пространственное, временное и значение принадлежности, отношения к лицу.

- Детерминирующий второстепенный член с временным значением выражается наречиями и предложно-падежными формами существительных, например: *И через полгода - новое чудо* (Куприн). Детерминант корректирует значение бытийности во временном плане, бытийность может быть ограничена определённым отрезком времени; детерминант может указывать и восприниматься в момент речи. С его помощью восприятие бытия может быть представлено как повторное, например: *«И вот опять весна; Вот снова ночь»*. Детерминант со значением принадлежности или отношения к лицу выражается формой родительного падежа одушевлённых (личных) существительных с предлогом у или соответствующими формами личных местоимений. В целом можно заключить: детерминант не вносит существенных изменений в общие значения бытийности и настоящего времени.

3.2 Генитивные предложения

Основу структуры генитивных односоставных предложений составляет главный член, выраженный независимой формой родительного падежа существительного, не подчинённого никакому слову в составе предложения. Независимое употребление данной формы конструктивно обусловлено; ср. независимую позицию родительного в предложении *«Воды-то, воды!»* - и его зависимое употребление в других конструкциях: *«Принеси воды; Воды!»*.

Состав главного члена и его значение могут быть различными, в связи с чем следует говорить о двух подтипах генитивных предложений - утвердительных и отрицательных - с обязательным наличием в составе главного члена частицы *ни*: *А больше ни звука! Ни огонёчка...* (Н Рубцов).

А. А. Шахматов относил генитивные предложения наряду с номинативными к числу односоставных «бессказуемо-подлежащих».

Иногда они представлены как разновидность безличных [Грамматика русского языка, т. 2, ч. 2, 38].

По мнению П.А. Леканта, «Трактовка предложений типа *Воды-то!* как безличных (хотя бы и с добавлением «неполных») является неудачной и неубедительной» [Лекант, 1974, 109]. Во-первых, эти предложения не имеют безличного значения: они не выражают независимого признака, утверждаемого безотносительно к субъекту, а выражают субстанцию. Во-вторых, им не свойственна глагольная форма безличности (3-е лицо), которая так или иначе обнаруживается в любой конструктивной разновидности безличных предложения. Так, предложение *Воды-то!* не только не содержит глагольной формы, но и не допускает «подстановки» или «подразумевания» единственно подходящего по значению бытийного глагола в форме настоящего времени: *Воды-то* есть (?!). Обоснование безличности предложения типа *Воды-то* было в качестве соотносительной формы времени тоже неубедительно, так как безличность подобных предложений (*Воды-то была*), в свою очередь, далеко не бесспорна (ср.: *Вода была*).

По нашему мнению, шахматовская трактовка генитивных предложений должна быть далее развита. Генитивные утвердительные предложения выражают бытие предмета (предметов) в большом количестве или объёме, в избытке (*Деревьев!*; *Домов!*; *Снегу!* и т.д.). Форма родительного падежа, употреблённая независимо, в качестве главного члена предложения, выражает грамматические значения бытийности, расширенного настоящего времени и реальной модальности. Эти значения характеризуют данные предложения как именные односоставные, соотносительные с номинативными. Соотносительность генитивного предложения с номинативным наиболее наглядно проявляется на уровне конкретного предложения (ср.: *Снег.* и *Снегу!*). Вместе с тем такое сопоставление вскрывает и различие данных предложений. Генитивное предложение имеет добавочное значение большого количества или объёма, которое выражается конструктивно, т.е. в самой грамматической форме главного члена,

независимо от его лексического наполнения. Непосредственной опорой данного значения, очевидно, является форма родительного падежа, аналогичная зависимой форме родительного в количественно-именных словосочетаниях (ср. *Много снегу* - *Сколько снегу!*).

«Родительный падеж единственного и множественного числа, означающий количество, быть может, объясняется влиянием предложений количественно - именного типа, причём в соответствии с количественным наречием и как бы вместо него является повторение родительного падежа» (*Слов-то, слов-то!*) [Шахматов, 1941, 60].

Восклицательная интонация - это средство, с помощью которого главный член выражает количественное значение, и в то же время как структурный элемент предложения она служит для выражения бытийности.

Конкретизация бытийного значения достигается не только при помощи восклицательной интонации, но и благодаря употреблению факультативной частицы *-то*; например; *Снегу- то!* В таких конструкциях она утратила своё указательное значение, её роль сводится к подчеркиванию грамматической формы главной члена генитивных утвердительных предложений. Грамматические значения главного члена выражаются и без частицы, при помощи интонации (частица может опускаться без ущерба для смысла предложения). Однако конструкция с частицей *-то* более наглядно подчеркивает непосредственность восприятия бытийного значения: говорящий как бы указывает на предмет, приглашая и собеседника убедиться и наличии, существовании данного предмета (ср.: *Деревьев-то!* - *Деревьев!*).

В практике речевого употребления утвердительных генитивных предложений используется такой формальный приём усиления значения количества, избыточности, как повторение главного члена, т.е. того же самого существительного в родительном падеже (обычно без частицы *-то*, если она была употреблена при первой форме); например, *Слов-то, слов!* Однако повтор является таким же факультативным средством, как и частица *то*.

Таким образом, генитивные утвердительные предложения являются продуктивным типом, что определяется не частотой их употребления в тех или иных текстах (число это невелика), а возможностью выражения главного члена разнообразными категориями имён существительных.

По структуре генитивные утвердительные предложения имеют много общего с номинативными. Это относится не только к выражению общих грамматических значений бытийности, настоящего времени и реальной модальности, но также и к значению второстепенных членов и их взаимоотношению с главным членом. Второстепенные члены могут быть распространяющего типа, т.е. образующие с главным членом словосочетание.

Структурной основой генитивных отрицательных предложений является главный член, состоящий как минимум из двух компонентов - существительного в родительном падеже и препозитивной частицы *ни*. Форма родительного падежа существительного, не будучи грамматически подчинена никакому слову в предложении, занимает независимую позицию и не выражает объектного значения (*Ни звуку*); главный член имеет значение бытийности; частица *ни* - показатель отрицания. Вследствие этого в генитивных отрицательных предложениях отрицается бытие предмета в настоящем времени.

Трактовка генитивных отрицательных предложений как безличных неизбежно предполагает «подразумевание» глагола, т.е. подмену исходной конструкции другой: ведь никакого реального, сознательного пропуска глагола при построении генитивного отрицательного предложения не происходит. «Косвенное» выведение глагола как члена парадигмы форм также неубедительно. Безличные предложения имеют полную парадигму форм времени, в которых глагол представлен конкретно-лексически, а не «нулём» (*Нет огонька - Не было огонька - Не будет огонька*)), - считает П.А. Лекант [Лекант, 1974, 113-114].

Считаем также важным отметить, что употребление различных категорий имен существительных в составе главного члена данной структуры имеет ограничения. В составе главного члена употребляются только существительные, которые обозначают предметы, совместимые с понятием числа, счёта. В состав главного члена кроме минимально необходимых компонентов может входить имя существительное в родительном падеже со значением меры, количества, объёма (метр, тонна, литр и т.п.). Оно препозитивно по отношению к основному существительному, обозначающему предмет, бытие, наличие которого отрицается (*Ни литра молока*).

Таким образом, существительное со значением меры выполняет в структуре главного члена служебную функцию - усиления отрицательного значения (аналогичную функции слова *один - един* во втором варианте), а главный член в целом выражает категорическое, полное отрицание. Конкретное лексическое значение существительного меры стирается, нивелируется, подавляется общим служебно-функциональным усилительным значением (конструкция *Ни тонны угля* выражает полное отрицание).

Наличие разных вариантов структуры главного члена, отвечающих семантико-грамматическим особенностям различных категорий существительных, обуславливает высокую продуктивность генитивных отрицательных предложений.

Общий вывод: структура генитивных отрицательных предложений соотносительна со структурой номинативных и генитивных утвердительных как по наличию общих грамматических значений (бытийность, время, модальность), так и по употреблению второстепенных членов.

3.3 Вокативные предложения

Нельзя оставить без внимания и вокативные предложения. В грамматической литературе вокативные предложения оцениваются разноречиво. Одни выделяют их в особый тип односоставных предложений

(Шахматов А. А.), другие включают в число номинативных (Руднев А. Г.), третьи рассматривают вокативные предложения как нечленимые предложения (Галкина-Федорук Е. М., Гвоздев А. Н.). Разноречивость характеристик вызывается синкретизмом семантико-грамматических свойств вокативных предложений.

«Вокативные предложения - это обращения, осложнённые выражением нерасчленённой мысли, чувства, волеизъявления» [Бабайцева, 1963, 155]. В типичных случаях обращение легко отличить от вокативного предложения. Сравните: *«Но вы меня любите, Лиза? Мы будем счастливы?»* и *«Лиза, - произнёс Лаврецкий, - Лиза, - повторил он и склонился к её ногам»* (И.С. Тургенев). В первом примере слово *Лиза* выполняет роль обращения, во втором - это вокативное предложение, в котором название собеседника осложнено выражением чувств говорящего. Обращение, называя адресат речи, не является самостоятельной коммуникативной единицей, так как не представляет собой отдельного высказывания, а входит в структуру предложения как в интонационно-смысловое целое [Абрамов, 1959, 193].

По значению различаются следующие группы вокативных предложений.

1. Вокативные предложения - призывы, в которых называется адресат речи с целью привлечь его внимание. По семантике такие предложения близки к собственно обращению, но отличаются от последнего интонационно-грамматической самостоятельностью: *«Подшли к первому отворот дому, и вдруг их окликнула мама: Митя! Серёжа!»* (В. Панова)

В зависимости от ситуативных условий такие предложения характеризуются разной степенью эмоциональной насыщенности.

2. Вокативные предложения, выражающие эмоциональную реакцию на слова и действия собеседника: *«- Бабушка! - укоризненно, с расстановкой произнесла Олеся»* (А. Куприн)

Между обращением и вокативным предложением этого типа нет резких разграничительных линий. Сравните: *«- Отец, отец, оставь угрозы, Свою*

Тамару не брани; О, не брани, отец, меня» (М. Лермонтов). В первом предложении слова *отец, отец*, не имея интонационно-грамматической самостоятельности, сближаются с обычным обращением, называя адресат речи. Однако эти слова не являются типичным обращением, как слово *отец* во втором примере, так как выражают упрёк, побуждение к прекращению действия, что находит грамматическое выражение в экспрессивном повторении имени существительного. Не случайно такие семантически осложнённые двоянные обращения не могут быть включены в середину предложения как типичные обращения.

Смысловая близость обращения к вокативному предложению, усиленная междометиями, позволяет квалифицировать многие выбранные нами примеры как переходные (промежуточные) между обращениями и вокативными предложениями. Использование междометий усиливает их интонационно-грамматическую самостоятельность. *«Россия, Русь! Храни себя, храни!»*, *«Тихая моя родина!»*: в подобных примерах название адресата речи осложняется семантикой, свойственной вокативным предложениям второй группы.

3. Предложения, синтезирующие свойства вокативных и номинативных предложений. Например: *«Он обернулся; у двери, закутанная в чёрную мантилью, стояла, женщина. - Ирина! - воскликнул-он и всплеснул руками...»* (И. Тургенев). В эмоциональном восклицании *Ирина!* констатируется бытие (наличие) лица в момент его узнавания и называния. Следовательно, в таких предложениях сочетается несколько значений, из которых значение, свойственное модели *Это Ирина!*, наименее чётко выражено. На первом плане эмоциональная реакция на неожиданное появление лица, наличие которого и констатируется данным предложением.

С номинативными предложениями вокативные предложения разных семантических групп сближает имя существительное или местоимение.

Семантико-синтаксические признаки сближают вокативные предложения с междометными предложениями. Как те, так и другие, хотя и

показывают сложные и многогранные чувства, не являются выражением логического суждения, расчленённого на субъект и предикат. Главный член вокативных предложений нельзя квалифицировать ни как подлежащее, ни как сказуемое. В. В. Бабайцева считает, что, условно включая вокативные предложения в односоставные (вслед за А. А. Шахматовым), мы считаем необходимым отметить, что они не являются типичными односоставными конструкциями, что и определяет потенциальную способность вокативных предложений к эволюционному переходу в разряд нечленимых слов-предложений при утрате лексической значимости и существительных.

ВЫВОДЫ ПО I-й ГЛАВЕ

1. Из обзора односоставных предложений в русском языке видим, что семантико-грамматические свойства их обусловлены разной степенью логико-психологической членимости мысли в конкретных условиях коммуникации. Как при отграничении односоставных предложений от двусоставных и нечленимых, так и при выделении типичных разновидностей односоставных предложений, необходимо учитывать весь комплекс семантических и грамматических свойств.

2. Основные семантико-грамматические типы простого предложения и отдельные разновидности односоставных предложений нельзя представить в виде непересекающихся линий: они возникают, развиваются и существуют при постоянном взаимодействии, образуя перекрещивающиеся круги, образуя переходные (промежуточные) модели.

3. Проведенное рассмотрение разных типов односоставных предложений обнаруживает различные причины той достаточности одного главного члена, которая составляет основную особенность всех односоставных предложений.

4. Во всех других типах «сказуемо-бесподлежащих» (термин А.А. Шахматова) предложений отсутствие подлежащего в модели предложения связано с причинами коммуникативно-семантическими.

5. Определённому коммуникативно-семантическому назначению соответствует и модель назывного (номинативного) односоставного предложения. Тот или иной предмет называется в них с установкой на то, что соответствующая деталь ситуации даст возможность читателю или собеседнику представить по этой детали общий характер всей ситуации.

Подробное рассмотрение типов односоставных предложений, переходных структур, обращение к трудным вопросам синтаксиса односоставных предложений позволило нам достаточно основательно описать особенности функционирования определённых в научной грамматике типов односоставных предложений в поэзии Николая Рубцова.

ГЛАВА II. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Н. РУБЦОВА

1. Некоторые общие черты поэтического синтаксиса (обзор лингвистических позиций исследователей)

Своеобразие поэта, его индивидуальный стиль проявляется на всех уровнях организации текста, но наиболее ярко на уровне синтаксической организации произведения, так как именно этот уровень и обуславливает своеобразие поэтической интонации. Недаром В.В. Виноградов говорил, что стиль автора воплощается прежде всего в синтаксической организации высказывания и целого текста [Виноградов, 1955].

Приступая к исследованию поэтического синтаксиса Н. Рубцова, мы считаем необходимым представить некоторые общие черты поэтического синтаксиса, показать, чем отличается синтаксис поэтического текста от синтаксиса прозы и «формального» синтаксиса вообще.

По мнению И.И. Ковтуновой, в работе которой обобщены исследования поэтической речи, «главнейшее отличие поэтического синтаксиса от синтаксиса прозаических произведений проявляется в особой семантике и функциях синтаксических средств языка, которые присущи поэтической речи. Семантические изменения и преобразования в формах языка, наблюдаемые в поэтической речи, обусловлены, прямо или косвенно, такими свойствами поэтических текстов, которые определяют их принадлежность к произведениям искусства. Отсюда очевидно следует, что синтаксическая специфика поэтической речи способна обнаружить себя в полной мере лишь при выходе синтаксиса за пределы предложения в область текста, при функциональном подходе к синтаксису» [Ковтунова, 1986,4]. Проблема поэтического синтаксиса относится к лингвистике речи. Функциональное предназначение поэтической речи, призванной служить системой соотношений и противопоставлений, невозможных в обычной языковой

конструкции. Это придает и каждому элементу в отдельности, и всей конструкции в целом особую семантическую нагрузку предложения и высказывания, которые в грамматической структуре находятся в разных, лишенных черт сходства и, следовательно, несопоставимых позициях, в художественной структуре оказываются сопоставимыми и противопоставимыми» [Лотман, 1970, 56].

Функциональный аспект необходим, если мы принимаем во внимание природу поэтической речи, это основное ее свойство, по мнению И.И. Ковтуновой, определяемой как активизованность.

Именно исходя из этого мы обращали прежде всего внимание на функционирование всех типов односоставных предложений в поэтическом контексте Н. Рубцова, устанавливая особенность - «авторизованность» - каждого типа. «Внимательный анализ случаев употребления в лирике второго лица, обращения, повелительного наклонения и вопроса, адресованных говорящим себе самому, позволяет раскрыть некоторые важные черты автокоммуникацию вообще. Есть типы речи, в которых можно наблюдать автокоммуникации в чистом виде, не осложненную и не преобразованную поэтической структурой. Это «речь для себя» - естественная внутренняя речь, дневниковая запись и случаи повседневной имитации внутреннего монолога в художественной прозе» [Ковтунова, 61].

В этих типах речи можно найти параллели некоторыми особенностям V употребления второго лица, обращения, повелительного наклонения и вопроса в лирических текстах. Наиболее непосредственно и ярко обнаруживает позицию субъекта речи по отношению к ее адресату функция повелительного наклонения. Наши наблюдения над текстами Рубцова подтверждают этот вывод ученого (см. ниже, в § 2).

И.И. Ковтунова утверждает, что «повелительному наклонению, адресованному говорящим себе самому, часто сопутствуют в лирике обращения к себе. Интересно посмотреть, какие типы обращения к себе существуют в лирической поэзии и в каком отношении они находятся к

обращениям, направленным к внешнему миру. Обращение к себе может быть выражено собственным именем. Обычно в лирике обращения к себе, обозначенные словами поэт, художник, а также всеми возможными синонимами этих понятий, перифрастическими оборотами и наименованиями - характеристиками» [Ковтунова, 1986, 67].

Надо заметить, однако, что этот тип обращений в поэтическом тексте неизбежно приобретает расширительный смысл и, помимо обращения к говорящему, содержит в себе обращение к поэту вообще или к поэту - современнику. Далее в тех случаях, когда поэт имеет в виду себя, более широкий круг возможных адресатов не исключается. Смысл, заключенный в контексте, почти всегда может быть отнесен не только к той конкретной ситуации, о которой рассказывает поэт.

Так, например, обращение к художнику в стихотворении Н. Рубцова «О чем писать?» прямо отражает важнейший этап в мировоззренческом и творческом пути поэта и глубоко связан со смысловым контекстом всей поэзии Н. Рубцова.

*«О чем писать?
На то не наша воля!
Тобой одним
Не будет мир воспет!
Ты тему моря взял
И тему поля,
А тему гор
Другой возьмет поэт!
Но если нет
Ни радости, ни горя,
Тогда не мни,
Что громко запоешь,
Любая тема -
Поля или моря,
И тема гор -
Все это будет ложь!»*

И.И. Ковтунова также считает, что «формой обращения к себе - к одной из сторон своего я, к одной из своих внутренних сущностей - служит в лирической поэзии обращение к своему поэтическому дару. Способность к

поэтическому творчеству - в этом понимании, в каком она отразилась в языке поэзии, - представляет переходную зону между внешним и внутренним миром. Эта способность мыслится то, как внешняя сила, имеющая в мире самостоятельное существование, то, как внутренняя сила, владеющая поэтом как его природное, органическое свойство, одна из сторон его я. Между этими двумя полосами расположена школа с возможными неоднозначными осмыслениями. Зона поэтического творчества в действительности - переходная, поскольку в ней размываются границы между внешним и внутренним миром» [Ковтунова, 1986, 77].

Можно сказать, что в традиционном разговоре с музой поэт помещает ее в неопределенную и подвижную сферу бытия, которая может восприниматься как принадлежащая одновременно обоим мирам.

С выводами лингвиста иногда согласуются и наблюдения литературоведов. Например, нам близок взгляд на поэзию Н. Рубцова выраженный литературоведом В. Дементьевым в работе «Предвечернее» который считает, что в «лирике Рубцова, очевидно, проявилась его главная особенность как поэта: говоря о предмете, он говорит о себе, высказывает свое внутреннее состояние» [Дементьев. 1982, 492].

Подводя итог сказанному и рассматривая поэтический текст как особым образом организованную семантическую структуру, мы, естественно, будем опираться на достижение предшествующей научной мысли.

Мы установили, что в поэтическом тексте действуют свои «законы», в частности:

1. Любые элементы речевого уровня могут возводиться в ранг значимых.

2. Элементы, являющиеся в языке формальными, могут приобретать в поэзии семантический характер, получая дополнительные значения.

Таким образом, некоторые дополнительные, наложенные на текст, ограничения заставляют нас воспринимать его как поэзию. Однако стоит нам

отнести данный текст к поэтическому, как количество значимых элементов в нем получает способность расти.

Сделаем и еще вывод: системное описание типов односоставных предложений было необходимо для того, что сопоставлять выделенные в текстах конструкции с существующими в системе языка; установить возможные различия между ними, что будет весьма содержательно, так как поможет понять особенности синтаксиса конкретного автора, в частности, большого русского поэта Н. Рубцова, язык которого, к сожалению, пока еще не рассматривали ни в одной из специальных работ.

2. Глагольные односоставные предложения и особенности их функционирования в поэзии Н. Рубцова

Современные подходы к односоставным предложениям заключаются в том, что исследователи рассматривают структурно-семантические особенности односоставных предложений не только на уровне структурной схемы, но обязательно - типичной схемы, но обязательно - типичные закономерности функционирования, выявляя связь между моделью, структурной и условиями употребления такой структуры в речи.

Как уже выше сказано, в современной семантической науке выделяются следующие типы односоставных предложений: определительно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные, инфинитивные, номинативные.

Из всех вышеперечисленных типов односоставных предложений частотны для произведений Николая Рубцова определительно-личные, безличные, номинативные, неопределенно-личные, инфинитивные (перечисление дано в порядке убывания частотности).

Приступая к описанию функционирования односоставных предложений в конкретных поэтических текстах Н. Рубцова, мы хотели бы прежде всего обратиться к функциональным возможностям глагольных односоставных предложений, поскольку глагол в целом обладает более

широким спектром грамматических, и, следовательно, и синтаксических свойств, и кроме того, глагол в русском языке - это грамматическая категория, предназначенная для выражения предикативности.

Само распределение глагольных односоставных конструкций на личные, безличные и инфинитивные требует обращения к категории лица. Г.А. Золотова замечает, что «синтаксическая категория лица, наряду с категориями модальности и времени, выражает отнесенность высказывания к действительности через ситуацию речевого общения, создаваемую соотношением его участников, поэтому под синтаксической категорией лица следует понимать соответствие субъекта - носителя, действия состояния, признака, о котором сообщается в предложении, одному из трех лиц - участников - не участников, общения» [Золотова, 1973, 158]. Противопоставление категорий личности - безличности, а в пределах личности - определенного, неопределенного и обобщенного ее значений, - положено традиционной грамматикой в основу типологии простых предложений.

2.1 Определенно-личные предложения в лирике Н. Рубцова

Поскольку определено-личные значительней остальных типов представленные в творчестве Н. Рубцова, начнем описание с них.

Существо грамматической формы определено-личных предложений заключается в том, что выражаемое в них независимое действие мыслиться и утверждается как отнесенное к определенному деятелю и эта отнесенность выражается грамматическими средствами в пределах самого предложения. Естественно, что к грамматической форме могут быть отнесены лишь те средства, которые входят в предикативную основу предложения, в его главный член т.е. не зависят от конкретного воплощения структуры. Таковыми средствами могут быть только личные формы, личные окончания

глагола (1-2 лица и форма 2-го лица повелительного наклонения) [Лекант. 1974, 19].

«... Отворите скорее ворота!

Входите скорей, чтоб взглянуть на высоких своих!

Вот замолкли - и вновь сиротеют душа и природа

Оттого, что - молчи! - так никто уж не выразит их... («Журавли»)

или: Люблю ветер! Большие всего на свете («По дороге из дома»)

В целом, несмотря на своеобразие в условиях употребления, определенно-личные односоставные предложения не представляют собой совершенно специфических моделей, обособленных от двусоставных предложений с подлежащим я, ты, мы и вы, и, могут рассматриваться как односоставный вариант этих предложений. Сравните, н-р; 1 и 2-е предложения: *Что ж я стою у размытой дороги и плачу?* и: *Плачу о том, что прошли мои лучшие годы.*

Форма первого лица - это максимально возможное выражение авторизованной речи. Для поэзии это важно в том отношении, что именно это грамматическая форма и является принципиальным свойством лирической поэзии в отличие от прозы. Здесь уместно вспомнить слова Л.Я. Гинзбург: «Специфика лирики в том, что человек присутствует в ней не только как автор, не только как объект, включенный в эстетическую структуру произведения в качестве самого осязаемого и действенного ее элемента» [Гинзбург, 1981, 6]. Отсутствие формы 1-го лица в определенно-личных предложениях с точки зрения функционально-текстовой фактически не влияет на способ выражения субъекта речи.

По мнению ряда исследователей (П.А. Леканта, В.В. Бабайцевой и др.), определенно-личные предложения присущи диалогическим формам речи; таким образом, устранение 1-го лица способствует созданию внутреннего диалога, что отражает диалогичность лирической поэзии как одно из принципиальных ее свойств.

Сопоставляя односоставные определенно-личные и двусоставные предложения, мы видим большую лаконичность, естественность, энергичность определенно-личных предложений по сравнению с двусоставными. Отсутствие подлежащего в определенно-личных предложениях усиливает действие и позволяет избежать назойливого повторения ненужных для смысла я, ты, мы, вы.

Можно привести достаточно много примеров такого типа:

*«Радуюсь громкому лаю,
Листьям, корове, грачу,
И ничего не желаю,
И ничего не хочу.»*

В данном случае именно форма глагола первого лица единственного числа помогает передать тот душевный подъем, который охватывает поэта при возвращении в родные места и при этом уйти от настойчивого «любового» подчеркивания «я».

Молодой поэт ищет свой угол зрения, стремясь оснастить стихи необходимыми, конкретными деталями. Показательно в этом отношении стихотворение «Матросская слава»:

*«Вижу, как, вскинув штыки
И ленточки закусив,
С яростными глазами
В бой идут моряки».*

«Вижу...» - говорит поэт, и он мог видеть это на экране, за страницами книг, в собственном воображении. Видел, но видение это было во многом вторичным, ибо своего поэтического ракурса в изображаемом автор стихотворения не нашел. Совсем другие чувства и смыслы в стихотворении «В твоих глазах» поэту хочется спрятать подлинные свои чувства за несерьезностью и балагурством ведь в глазах новой подруги *«любовь кромешная немалая, дикая, безгрешная»*, и резкий душевный порыв не

принесет отрады, потому что он не вырвется наружу, а затаится в глубине души.

«Пойми, пойми

Мою уклончивость,

Что мне любви твоей

Не хочется,

Хочу, чтоб все

Скорее кончилось!

Хочу! Но разве

Это кончится...?» («В твоих глазах»)

Как убеждаемся, что как нельзя лучше в этом случае подходят формы глагола первого и второго лица единственного числа.

2.2. Неопределенно личные предложения

Достаточно широко представлены у Н. Рубцова и неопределенно-личные предложения. Придерживаясь традиционной точки зрения, мы относим к ним такие предложения, которые обозначают действия безотносительно к действующему лицу, например, у Н. Рубцова:

!Там, где я плавал за рыбами,

Сено гребут в сеновал («Тихая моя родина»)

или:

Может быть, в последний раз нагрязнули,

Может быть, не скоро навестят («Нагрязнули»)

Главный член выражается в них глаголом в форме 3-го лица множественного числа настоящего и будущего времени, в форме среднего рода и множественного числа прошедшего времени и сослагательного наклонения.

В отличие от определенно-личных, неопределенно-личные предложения представляют собой совершенно самостоятельную структурно-семантическую разновидность предложений. Односоставность присуща им

органически и связана с основной особенностью их грамматической семантики: так как действие обозначается в них безотносительно к конкретному его исполнителю, они позволяют сосредоточить все внимание на характере обозначаемой деятельности, полностью отвлекаясь от вопроса о действующих лицах. В этом отношении неопределенно-личные предложения резко отличаются от тех двусоставных, которые содержат лексически неопределенные обозначения действующих лиц [Скобликова, 1979].

«Пусть меня еще любят и ищут

Над моей одинокой рекой. («Элегия»)»

Переключению внимания на действие при употреблении неопределенно-личных предложений нередко способствует то, что в общих чертах состав возможных участников действия нередко подсказывается обстоятельствами места, характером самого действия и т.д.

«Домик моих родителей

Часто милая я сна

Где он опять, видели...?»

Однако, наблюдая над особенностями синтаксиса произведений Н. Рубцова, мы отмечаем, что стихотворные неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения имеют невысокую частотность употребления.

2.3. Безличные предложения

Широко представлены в лирике Н. Рубцова безличные предложения. Так, например, эти конструкции довольно часто встречаются в стихотворениях, в которых автор описывает состояние природы, состояние человека.

«Все очнется в памяти невольно,

Отзовется в сердце и в крови.

Станет как-то радостно и больно,

Будто кто-то шепчет о любви. («Березы»)»

«В горнице моей светло

*Это от ночной звезды
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды... («В горнице»))»*

Для выражения главного члена безличных предложений свойственно использование специфических «безличных» форм, совпадающих с формами 3-го лица ед.ч. или ср. рода.

Определяющей особенностью грамматической семантики безличных предложений является значение стихийности, произвольности выражаемого действия или состояния. Оно проявляется в самых различных случаях - когда выражается:

а) действие:

*Сколько сору прибыло к березам
разыгравшейся полрой водой!*
(«Весна на берегу Бии»)

б) состояние человека или животного:

У меня на сердце одиноко...
(«Над рекой»)
*Больно мне, если слышится рядом
Слабый плач перепуганных птиц*
(«Мое море»)

в) состояние окружающей среды:

*Замутило дождями
Небо холодную просинь*
(«У церковных берез»)
*В полях сверкало,
Близилаась гроза*
(«В полях сверкало»).

Не менее важной и характерной является другая семантическая особенность безличных предложений. Выражаемый в них признак чаще всего является результатом действия неопределенной совокупности

стихийных сил или объективных обстоятельств. Поэтому самым употреблением модели безличного предложения подчеркивается, что признак этот не имеет прямой связи с какими-либо отдельным субъектом.

В подтверждение этого - пример из произведения Н. Рубцова.

«Поток вскипел и как-то сразу прибыл!

По небесам, сверкая там и тут,

Гремело так, что каменные глыбы

Вот-вот, казалось с неба упадут! («Г роза»))»

Внешне безличные предложения бессубъектные. В них исследуется не предметный субъект действия. Но с точки зрения организации фрагмента текста субъект здесь имеется. Это скрытый наблюдатель, повествующий о происходящем.

В поэтическом тексте безличные предложения художественно--изобразительного характера эмоциональны. Они выражают такие смысловые функционально-стилистические и эмоционально-экспрессивные оттенки, которые не могут быть переданы двусоставными предложениями:

«Как страшно быть на свете одиноким. («Видение на холме»)

Мне жаль ее ... («Наступление ночи»))»

Забегая вперед хотелось бы здесь отметить: безличные глагольные предложения можно сравнить с номинативными односоставными предложениями: *«В полях сверкало. Близилась гроза. («В полях сверкало...»)*
Окошко. Стол. Половики. В окошке - вид реки... («Окошко. Стол. Половики»))»

Сходны эти конструкции тем, что те и другие являются средством выражения скрытого, не требующего персонификации средствами языка наблюдения.

2.4. Инфинитивные односоставные предложения

В стихах Рубцова можно встретить и инфинитивные предложения, хотя это достаточно редкие для него конструкции, отнюдь не являющиеся отличительной чертой рубцовой поэзии.

По определению Е.С. Скобликовой, «информативные - это такие односоставные предложения, сказуемое которых выражено грамматически независимые инфинитивом». [Скобликова, 1979, 123].

Общим грамматическим значением инфинитивных предложений является утверждение независимого действия, не соответственного с деятелем, не отнесенного к моменту речи. Специфическое грамматическое значение инфинитивных предложений - модельная оценка ситуации.

Инфинитивные предложения отличаются большей выразительностью, в то же время в них заключается большая степень уверенности в том, что действие осуществляется.

*«Плыть, плыть, плыть,
Мимо могильных плит,
Мимо церковных рам,
Мимо семейных драм... («Плыть, плыть...»)*

Следует заметить, что инфинитивные предложения являются ярким средством введения имплицитного говорящего, так как тяготеет оно к выражению его личной точки зрения. Такие средства языка принято относить к средствам авторизации говорящего.

Например:

*«Не порвать мне житейские цепи,
Не умчаться, глазами горя,
В пугачевские вольные степи,
Где гуляла душа бунтаря. («Посвящение другу»)*

Грамматическое своеобразие инфинитивных предложений состоит в том, что они обладают особой модальностью, заключенной в повелении. В

поэтической речи Рубцова эти предложения часто предполагают первое лицо, т.е. обращены к самому субъекту речи, лирическому герою.

Использование инфинитивных конструкций способствует интонационному своеобразию и придают чрезвычайный динамизм, энергичность и лаконизм поэтическому тексту Рубцова, практически не нуждаются в распространителях.

Использование этих конструкций приводит к тому, что рематические компоненты повествования значительно преобладают над тематическими. По сути дела минимизируется «область данного» (известного) и максимально вырастает область нового, неизвестного, что и создает высочайшую информативность, смысловую насыщенность поэтического текста.

По мнению Г.А. Золотовой, «сопоставление с безличными предложениями помогает понять природу модальности и в инфинитивных предложениях: значение возможности, необходимости - это те же внутрисинтаксические отношения между действием и его субъектом, которые проявляются как в плане реальном, так и в плане нереальном. В отличие от безличных внутрисинтаксическая модальность в инфинитивных предложениях выражается не модальными словами, а самим строением предложений и интонацией, а также частицей бы, когда она есть» [Золотова. 1973, 154]. Можно утверждать также, что номинативные и инфинитивные выполняют одну и ту же функцию рематической зоны, но тип конструкции позволяет выявить разные способы взаимоотношения лирического героя с миром. В номинативных предложениях выражен как бы максимально объективированный взгляд, в инфинитивных предложениях непосредственная реакция, действие, взаимоотношение с миром, поступок.

Таким образом, инфинитивные предложения в поэзии, и в частности в поэзии Н. Рубцова, оказываются чрезвычайно емкой конструкцией, вбирающей в себя и обращение к себе и побуждение.

3. Именные односоставные предложения и их функции в поэтическом языке Н. Рубцова

Особое место, как уже раньше отмечали, занимают в поэзии Н. Рубцова номинативные предложения. Ввиду того, что для квалификации номинативных предложений нет однозначной точки зрения, мы вынуждены обратиться к истории проблемы, чтобы определиться в выборе основы для рассмотрения выявленных нами примеров.

Традиционная теория именных односоставных предложений была разработана А.А. Шахматовым и А.А. Пешковским.

А. М. Пешковский в именные односоставные предложения включает «все те предложения, в которых сказуемым является именительный падеж существительного и в которых по самой природе их не может быть ни подлежащего, ни глагольного сказуемого» [Пешковский, 1956, 377].

В данной работе мы принимаем за основу определение В.П. Проничева, так как в последние годы именно этим исследователем подытожена многолетняя работа, связанная с изучением именных односоставных предложений, причем с учетом современных взглядов на проблемы синтаксиса. В. П. Проничев дает следующее определение именных предложений: «Именными односоставными предложениями называем предложения, структурную основу которых составляет независимая форма имени существительного или субстантивированная форма, употребляющиеся в качестве самостоятельного сообщения и вследствие этого обретающие собственность выражать синтаксические значения предикативности и модальности» [Проничев, 1989, 5].

Специфика именных односоставных предложений появляется в их структурной организации. По мнению В.П. Проничева, именные односоставные предложения имеют асимметричную структуру. «Свойство асимметричности обнаруживается в сопоставлении с полными двусоставными предложениями. Группа подлежащего и группа сказуемого в двусоставных предложениях как бы уравнивают друг друга - они

симметрично противопоставлены. В именных односоставных предложениях один центр притяжения зависимых распространителей, одноцентровость и создает асимметрию структуры» [Проничев, 1989, 11].

Другой конструктивной особенностью односоставных именных предложений является то, что все они имеют односоставную предикативную основу: минимальная модель может состоять из одного слова в независимой форме. На первый взгляд, это признак полностью покрывается асимметричностью. Однако это не так. По мнению некоторых исследователей (Например, П.А. Лекант), именные односоставные предложения могут включать в свой состав детерминантные распространители. П.А. Лекант в классификации именных односоставных предложений выделяет два структурных типа - нерасчлененные, представленные с детерминирующими второстепенным членом и расчлененные. Именные конструкции с детерминантом оказываются расчлененными на состав главного члена и состав детерминанта, но все же признаются односоставными. «Односоставность приведенных предложений проявляется в том, что их главный член предикативно не определяем». [Лекант. 1974, 101]. В.П. Проничев при анализе таких конструкций приходит к заключению, что «структура предложения остается асимметричной, второго структурного центра не возникает, позиция сказуемого остается нереализованной, а функция сказуемого оказывается выполненной - передано вещественное значение сказуемого, переданы предикативное значение времени и непосредственно с ним связанное значение реальной модальности». [Проничев, 1989, 14]. Формальный признак односоставности номинативных высказываний тесно связан с такой семантической особенностью, как недискретное выражение бытийного значения. Под бытийностью А.Б. Бондарко понимает «семантическую категорию значений существование, бытие, наличие» [Бондарко, 1996, 52].

Предикативный признак конкретизируется как существование:

- 1) бытийного, т.е. ни от кого не исходящего состояния природы, окружающей среды (*Зима; Ночь*);
- 2) события, ситуации, представленных в полном отвлечении от носителя или производителя (*Война; Гул; Грохот*);
- 3) предмета лица или не лица (Привычная обстановка: стол, кровать, няня с вечным чулком в руках);
- 4) чьего-либо состояния.» (Шепот; Бред) [Русская грамматика 1980, 358].

По мнению А. С. Попова, «номинативные предложения - конструкция, имеющая яркую стилистическую окраску. Они занимают своеобразное место среди других односоставных предложений: они необязательны, без них можно обходиться совершенно свободно. Но номинативные предложения имеют специфическую ценность, привлекающую пишущих (или говорящих). Они позволяют передавать отдельные разрозненные наблюдения, мимолетность впечатлений, кратко, сжато обозначать понятия, предметы, явления. Номинативные предложения обладают изобразительностью, за ними обычно угадывается подтекст, скрывается целая вереница образов. Они тесно связаны с показом предмета, с воссозданием «живой» картины путем перечисления ее компонентов» [Попов, 1966, 77].

В поэзии номинативные предложения начинают употребляться раньше, чем в прозе. Они кратки и этим выразительны. Называя предметы, события, указывая место или время, эти предложения сразу вводят читателя в обстановку действия. Событийность, ситуативный характер высказывания проявляется прежде всего во временной отнесенности его содержания к моменту речи. Проничев В.П. считает, что «настоящее момента речи - это не объективное время существования предмета, явления, названного в номинативном высказывании, а субъективное время восприятия образа этого явления» [Проничев, 1989, 18].

Поскольку настоящее момента речи - это время непосредственного восприятия, то оно может характеризовать сообщение о любой воспринимаемой сознанием предметной ситуации:

а) ситуацию определенного действия.

Тележный скрип, грузовики ...

(«Сибирь, как будто не Сибирь»)

б) ситуацию, представляющую место, на фоне которого развивается повествование.

Высокий дуб. Глубокая вода.

Спокойные кругом ложатся тени.

(«Ночь на родине»)

Размытый путь.

Кривые тополя.

Я слушал шум - была пора отлета.

(«Отплытие»)

в) ситуацию, связанную с воспроизведением в сознании конкретных предметов или ситуаций.

Окошко. Стол. Половики.

В окошке - вид реки...

Черны мои черновики.

Чисты чистовики

(«Окошко, Стол. Половики».)

Таким образом, объективно отражаемая номинативным высказыванием ситуация может относиться к плану прошлого, минувшего или к плану будущего.

Исследователи отмечают, что структурную и предикативную основу именных односоставных предложений составляет формы имени существительного в абсолютно независимом употреблении [А.А. Шахматов, 1941; П.А. Лекант, 1974; В.П. Проничев, 1989.] Поэтому они выделяют форму именительного и форму родительного падежей как варианты именных односоставных конструкций. Ученые считают, что именно различие в грамматической форме именных односоставных предложений и является основой их классификации. Поэтому эти авторы в системе именных

односоставных предложений различают два структурных типа - номинативные и генитивные предложения. Наиболее полно природа генитивных предложений раскрыта П.А. Лекантом [Лекант, 1974]. Ученый дает такое определение генитивным предложением: «Основу структуры генитивных односоставных предложений составляет главный член, выраженный формой родительного падежа существительного, употребляемого самостоятельно, т.е. не подчиненного никакому слову в составе предложения» [Лекант, 1974, 53].

В произведениях Н. Рубцова были отмечены нами эти типы именных односоставных предложений (генитивные). От номинативных предложений генитивные предложения отличимы – и по их грамматической природе, и по функционированию.

«А больше -

ни звука!

Ни огонечка!

(«Зимним вечерком»))»

Состав главного члена и его значения могут быть различными, в связи с чем П.А. Лекант говорит о двух типах генитивных предложений - утвердительных (*Воды - то; Шуму-то; шуму!*) и отрицательных (*Ни деревца; Ни одного целого дома*) - с обязательным наличием в составе главного члена частицы «ни»).

Но в понимании синтаксической природы данных предложений имеются принципиальные разногласия. Шахматов относил генитивные утвердительные предложения наряду с номинативными к числу «бессказуемо - подлежащих» [Шахматов, 1941, 50- 61].

В другом толковании они представлены как разновидность безличных. [Грамматика русского языка. 1954-1960. Т. 2, ч. 2, 38]. Генитивные отрицательные предложения А.А. Шахматов рассматривая как «безличные, неполные», а «Грамматика русского языка» включает их в «особый вид отрицательных безличных предложений». Если учитывать, что своеобразие того или иного типа односоставных предложений складывается не только из

его структурно-семантических особенностей, но и текстовой функции, то действительно, есть весомое основание считать генитивные предложения отдельными (самостоятельными) синтаксическими конструкциями, т.к. они обладают ярко выраженным коммуникативным своеобразием.

Для исследования языка поэзии особенно важно отметить: в именных предложениях субъект (деятель) не выражен лексически и грамматически - он как бы самоустранился из текста. Это способ максимально объективно представить ситуацию без выражения каких-либо оценок (с т. з. содержания). С т. зр. экспрессивно-выразительной достигается максимальная плотность описания, поскольку сам отбор деталей уже создает определенный живописный или оценочный ряд. Название только предметов речи создает у Рубцова особый тип повествования, как бы пунктирный, отличающий только значимые детали в создании образа.

«Тележный скрип, грузовики,

Река, цветы и запах скотский,

Еще бы церковь у реки, -

И было б все по-вологодски («Сибирь, как будто не Сибирь»)

Окно, светящее чуть.

И редкий звук с ночного омута. («Бессонница»)

Холод, сосны, звезды в ноябре.

Поцелуи наши на дворе.

Как в тумане яркие огни,

В памяти сияют эти дни... («Первое слово»)

Таким образом поэт достигает чрезвычайно сжатого, лаконичного описания. Максимальная объективность основана на своеобразном художественном приеме - это как бы самоустранение говорящего, но при этом поэтический фрагмент организуется текстовой категорией наблюдателя, который будучи не выраженным грамматически и лексически, является имплицитным.

И.И. Ковтунова считает, что в лирике, в отличие от нелирики, субъект речи включен в предмет речи. Не только тогда, когда лирическая поэзия служит непосредственным самораскрытием, но и в тех случаях, когда речь идет о других вещах и лицах, это не взгляд со стороны, а взгляд изнутри, соприсутствие и сопричастность тому, о чем пишет лирический поэт». [Ковтунова. 1986, 17].

В итоге мы приходим к выводу, что именно с точки зрения имплицитного наблюдателя и организуется поэтическое повествование. Таким образом, использование именных конструкций устанавливает максимально возможную в художественной речи дистанцию между говорящим и предметом речи.

4. Трудные и переходные случаи односоставных предложений (на материале стихотворений Н. Рубцова)

Как нами уже не раз отмечалось выше, по вопросам типологии односоставных предложений и установлению структурно-семантических особенностей некоторых из них нет единого мнения. Одни ученые не выделяют определенно-личных предложений, считая, что структурно они ничем не отличаются от двусоставных предложений (Е.Н.Ширяев); другие грамматисты не видят оснований для выделения обобщенно-личных предложений, отмечая, что у этих предложений нет прежде всего структурной специфики: они воспроизводят формы других типов и в классификационный не попадают (не разграничивали неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения (Д.Н. Овсянко-Куликовский, А.А. Шахматов и др.)

В связи с этим, классифицируя односоставные предложения, отмеченные и выделенные в контекстах Н. Рубцова, мы посчитали необходимым отметить и описать случаи, которые неоднозначно классифицируются в современном русском языке и представляют так называемые «переходные» типы. Разумеется, все разнообразие и множество

случаев не представляется возможным описать, но хотели обратить внимание на трудные случаи квалификации номинативных предложений и спорные вопросы, касающиеся определенно-личных предложений.

У Н. Рубцова активизированы синтаксические конструкции, где своеобразным зачином является предложение, которое может быть определено как именительный темы.

«Тихая моя родина!

Ивы, река, соловьи...

или

Школа моя деревянная!

Время придет уезжать -

или

Осень! Летит по дорогам

Осени стужа и стон!»

Однако в этих же случаях первое предложение может быть квалифицировано и как обращение - компонент, осложняющий предложение - и, будучи по интонации восклицательным и произносительным с особой силой, оно отделяется от последующего предложения интонационной паузой и пунктуационно (восклицательным знаком), и как вокативное предложение, так как в них есть призыв обращенный к адресату, но нет прямого обращения. Ср.: *«Ветер, ветер! Ты могуч»* (А. Пушкин) и *«О ветер, ветер! Как стонет в уши...»* (Н. Рубцов)

Таким образом, мы считаем, что в данном случае нельзя однозначно квалифицировать подобные конструкции, тем более что есть некоторые основания рассматривать такие предложения и как номинативные, ведь они показывают предмет («школа моя деревянная») или воссоздать «живую» картину бытия («Осень!», «О, ветер, ветер» и др.) путем обозначения и перечисления их компонентов [Попов, 1966, 77].

Еще большие затруднения при классификации односоставных предложений вызывают предложения типа: *«На улице тишина»*. Например из стихотворений Рубцова:

Ветер под окошками, тихий, как мечтание,

А за огородами в сумерках полей

Крики перепелок, ранних звезд мерцание,

Ржание стреноженных молодых коней. («Деревенские ночи»)

А дальше за лесом - большая деревня.

Вороны на елках, старухи в домах.

Деревни, деревни вдали на холмах,

Меж ними село с колокольного деревней... («Жар – птица»)

Авторы «Граматики-70» относят такие предложения к разряду односоставных номинативных; в «Грамматике-80» такие предложения включены в именной класс однокомпонентных структурных схем простого предложения. По мнению П.А. Леканта, «предложения с детерминирующими обстоятельствами и объектными второстепенными членами являются односоставными» [Лекант, 1974, 100]. По мнению Ю.Т. Долина, «рассматривать предложения такого типа как разновидность односоставного номинативного - значит изолировать их от других членов синтаксической парадигмы: *«На улице была тишина»* и .д. [Долин, 1995, 79].

Если эти синтаксические структуры считать двусоставными (в противном случае структурные рамки номинативного предложения вообще окажутся «размытыми»), то, следовательно, и предложения типа *«На улице тишина»* являются двусоставными с нулевой формой глагольного сказуемого *«есть»*, являющейся грамматическим показателем настоящего времени. Если следовать логике рассуждений этого ученого о том, что предложение типа *«Деревни, деревни вдали на холмах»* или *«А дальше за лесом - большая деревня»*, сближает не грамматическая односоставность, а напротив, их грамматическая двусоставность, так как они в своей синтаксической структуре имеют нулевую форму сказуемого, которая

логически вытекает из их парадигм, построенных по одному и тому же принципу.

С таким ходом рассуждений не всегда можно согласиться. Однако с подобной трактовкой предложений типа *«В лесу тишина»* мы встречаемся и в пособии А.К. Федорова «Трудные вопросы синтаксиса» [Федоров. 1972].

По мнению этого автора, данное предложение по своей грамматической структуре является двусоставным, неполным, потому что «структура самого предложения - наличие обстоятельства места в лесу - подсказывает отсутствующее сказуемое, которое можно ввести: *В лесу стоит тишина*. Следовательно, это отсутствующее сказуемое является структурно необходимыми, так как от него зависит, ему подчинено обстоятельство места» [Федоров, 1972]. С точки зрения Ю.Т. Долина, А.К. Федорова, сказуемое в подобных предложениях, с учетом их прагматических отношений, не отсутствует, а, напротив, «незримо присутствует» в своей нулевой форме, что касается словоформы «в лесу», то она выступает в роли обстоятельственного детерминанта.

Подводя итог сказанному, вслед за мнением вышеуказанных авторов, о том, что предложения типа. «На улице тишина» (а в наших случаях:

«А за огородами в сумерках полей

Крики перепелок, ранних звезд мерцание»,

или:

«Меж ними - село с колокольнею древней».

«А дальше за лесом - большая деревня»

«Ржание стреноженных молодых коней» -

следует квалифицировать по их грамматической форме как предложения двусоставные, полные, с нулевым глагольным сказуемым» [Долин, 1995, 80].

Мы же включает такие структуры в разряд **переходных**, или точнее, неоднозначно классифицируемых. Например, в школьной практике подобные конструкции рассматриваются чаще как двусоставные неполные,

тем более что отсутствие сказуемого обозначается тире. Однако этот синтаксический материал не рассматривается ни в одном школьном учебнике - речь идет лишь о дидактическом материале и о практике синтаксического разбора. Есть еще нюансы в рассмотрении подобных конструкций, проявляющиеся в позиции обстоятельственного детерминанта: его позиция как обстоятельства, связанного с отсутствующим сказуемым, более сильны в препозиции и «ослабевают» в постпозиции, так как приобретают адъективный характер и, следовательно, смыкаются по смыслу с присутствующим подлежащим, а необходимость сказуемого в таких конструкциях начинает вызывать сомнение. Например: *«Ветер под окошками,/Тихий как мечтание...»* («Деревенские ночи»)

Наибольшее количество примеров неоднозначно классифицируемых случаев, естественно, встретилось при рассмотрении именных (номинативных) односоставных предложений, однако есть такие случаи и в ряду глагольных односоставных предложений. К переходным конструкциям между двусоставными и определенно - личными предложениями относятся такие предложения, в которых нет подлежащего, но есть определение деятеля, семантически связана со сказуемым. Яркий пример такой конструкции - стихотворение Н. Рубцова «Березы».

*«Я люблю, когда шумят березы,
Когда листья падают с берез
Слушаю - и набегают слезы
На глаза, отвыкшие от слез...
Русь моя, люблю твои березы!
С первых лет я с ними жил и рос.
Потому и набегают слезы
На глаза, отвыкшие от слез».*

Сравни: «Я люблю» в первой строфе и «люблю твои березы» в последней: *Русь моя, люблю твои березы!*

К промежуточным между двусоставными и неопределенно-личными предложениями относятся предложения, в которых неопределенный деятель характеризуется обособленными определениями и обстоятельствами. Такие случаи отмечены и у Рубцова.

«И долго молчали, повесив нос,

И слушали шквальный ветер...» («Шторм»)

Трудно квалифицировать - то ли неопределенно-личные, то ли двусоставные неполные - такие предложения, в которых контекст подсказывает определенного деятеля (деятели), например:

«Домик моих родителей

Часто лишал я сна

- Где он опять, не видели?

Мать без того больна («Аленький цветочек»)

«Не видели?» - явное обращение к жителям, и соседям; это форма предложения характерна для разговорной речи.

Чрезвычайно характерными для поэзии Рубцова являются конструкции, когда двусоставное предложение с однородными сказуемыми расчленяется на сегменты, и сегментированные конструкции вне контекста воспринимаются как односоставные предложения. На самом деле это вряд ли односоставные предложения, это сегментированные (парцелированные) конструкции, относящиеся к области экспрессивного синтаксиса. Считаем необходимым подчеркнуть, что это тоже отличительная черта поэтического синтаксиса в целом и синтаксиса стихотворений Н. Рубцова в частности.

В качестве примера своеобразного («авторизованного») использования односоставных предложений в поэзии Н. Рубцова попытаемся произвести подробный анализ с точки зрения синтаксиса главного (не только на наш взгляд), программного стихотворения, посвященного В. Белову: «Тихая моя родина...»

Стихотворение начинается с восклицания *«Тихая моя родина!»* Как о квалифицировать это предложение? Оно может быть воспринято как

обращение - ведь поэт как бы ведет разговор с малой своей родиной, перечисляя, любовно разглядывая каждую деталь как предмет. Но в такой же мере оно может быть квалифицировано вокативное предложение, тем более что между этими двумя типами практически нет четкой границы, хотя если сравнить с последующим бесспорным обращением:

*«Тихая моя родина,
Я ничего не забыл ...»*

Можно увидеть разницу между двумя синтаксическими конструкциями. Может быть это именительный темы (именительный представления). Для первого предложения эта функция характерна и поэтому первое предложение может рассматриваться как именительный темы - сегментированная конструкция. В любом случае мы должны (скорее всего) рассматривать это предложение как номинативное, проблема остается только в том, какой именно это подтип номинативного предложения. Так же может быть определено и совершенно одинаковое с ним по структуре и по семантике (разница только в порядке слов) другое предложение из этого стихотворения: *«Школа моя деревянная!...»*

Предложение *«Ивы, река, соловьи...»* - классический пример именного (субстантивного) предложения: тремя существительными в И. п. кратко и емко дана картина «тихой родины», названы, на взгляд поэта, главные ее приметы. Такой прием, как перечисление однородных подлежащих в форме существительного в И.п., позволяет дать краткую и глубокую, емкую характеристику изображаемых реалий и всегда был востребован в художественной речи. Рубцов в этом смысле не исключение. Надо даже отметить, что номинативные предложения в его стихотворениях представлены более широко, чем какие-либо другие структуры, что и было уже выше нами отмечено. Однако используемые в поэзии Рубцова номинативные предложения имеют свою специфику. Чаше используются конструкции, имеющие кроме главного члена - существительного в форме И.

п., распространяющие этот главный член или детерминанты. Типичными для поэзии Рубцова являются конструкции в разбираемом тексте:

«Тина теперь и болотина

Там, где купаться любил...» и

«Новый забор перед школою,

Тот же зеленый простор...»

Это как раз вышерассмотренные переходные конструкции, которые одни лингвисты рассматривают как двусоставные с нулевым сказуемым, которое «выявляют» присутствующие обстоятельства: в первом случае - «там», во втором - «перед школою», другие (например, П.А. Лекан) относят их к односоставным.

Мы придерживаемся второй точки зрения, нам кажется, что отнесение подобных конструкций к односоставным доказывает и параллелизм следующих одно за другим предложений:

«Новый забор перед школою...

Тот же зеленый простор».

Если второе предложение большинством лингвистов рассматривается все - таки как односоставное (и на это есть основания: здесь главный член в форме существительного в И.п. распространен согласованными определениями), то второе трактуется неоднозначно: детерминант - обстоятельство места - заставляет «искать» сказуемое. Однако положение обстоятельства за главным членом позволяет рассматривать его как синкретичный член, совмещающий значения несогласованного определения и обстоятельства.

Таким образом, поскольку предложение *«Тот же зеленый простор»* рассматривается как односоставное номинативное, то скорее всего так же должно быть определено и параллельное ему первое предложение. Предложение *«Тина теперь и болотина/Там, где купаться любил»* все-таки скорее двусоставное, так как местоименные наречия «теперь» и «там» не адъективируются и не могут быть рассмотрены как признак именных, или

должны быть квалифицированы как переходный тип (Сравни: *«Где же погост?»*)

Еще более сложный случай - предложение, представляющее собой ответ на вопрос: *«Это на том берегу»*. Это типичная конструкция разговорного синтаксиса, характеризующаяся смысловой и структурной неполнотой. Если «это» - «погост», тогда это двусоставное неполное предложение. К этому выводу нас подведет и рематематический подход к классификации этого предложения: «это» - тема, «на том берегу» - рема. Однако это предложение по форме напоминает номинативное указательное предложение типа: *«Это зима»*, *«Это школа»*, т.е. может быть осмыслено так: *«Это то, что на том берегу»*. Тогда это односоставное предложение; мы относим такие предложения к переходным.

Есть в этом стихотворении и неопределенно-личные предложения *«Сено гребут в сеновал»*, правда, оно включает в свой состав подчинительную часть.

Особое значение для этого стихотворения имеет последняя строфа, представляющая собой определенно-личное предложение, употребление которого позволяет ввести личные оценки и пристрастия без подчеркивания «я» - чрезвычайно распространенное в стихотворения Рубцова синтаксическая конструкция:

*«С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь».*

Поэтому на наш взгляд, симптоматично, что именно предложением такой характерной для Рубцова структуры логически завершается это великолепное стихотворение.

Таким образом, в стихотворении, состоящем из 24 предикативных единиц (сложные предложения условно были подсчитаны как сумма простых предложения - для удобства подсчета), 12 предложений односоставные или

переходного типа, то есть около 50 % представляло интерес для исследования с точки зрения функционирования односоставных предложений. И еще раз отмечаем: это типичное для поэта стихотворение, в нем находят отражение многие черты поэтического синтаксиса Николая Рубцова, в том числе - активное использование односоставных предложений.

ВЫВОДЫ ПО II-й ГЛАВЕ

1. Рассмотренный нами языковой материал позволяет сделать вывод о том, что характерной чертой поэтического синтаксиса Николая Рубцова является функциональное разнообразное употребление всех типов односоставных предложений. Анализ односоставных предложений с функциональной точки зрения показывает, что они являются более, чем какая-либо другая синтаксическая структура, связаны с видами авторизации.

2. Особое место занимают инфинитивные предложения, которые совмещают в себе и ярко выраженную авторизацию и определенную модальность - ирреальную, связанную со значением побуждения или желательности.

3. Особым своеобразием функционирования в поэтическом контексте Рубцова отличаются определенно-личные, безличные, номинативные односоставные предложения.

4. При этом иногда бывает затруднительно отнесение к какому - либо определенному типу односоставных предложений отдельных лингвистических фактов. Наибольшее количество примеров переходных и трудно классифицируемых предложений встретилось при описании определенно-личных и номинативных предложений.

5. Номинативные предложения в стихотворениях Рубцова играют важную смыслоорганизующую роль. Убедительным доказательством этого положения может быть программное стихотворение поэта «Тихая моя родина».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поставив в начале работы цель - определение особенностей функционирования отдельных типов односоставных предложений в поэтическом синтаксисе Н. Рубцова, мы посчитали необходимым предварить наше исследование экскурсом в историю и современное состояние синтаксической теории, связанной с типологией, трудными и переходными случаями односоставных предложений. В теоретической части представлены различные взгляды лингвистов на грамматическую природу односоставных предложений (А.А. Шахматов, А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, Е.М. Галкина-Федорук, В.В. Бабайцева, П.А. Лекант, Е.С. Скобликова, Г.А. Золотова, В.П. Проничев, Г.Н. Акимова и др.). В качестве рабочих для нашего исследования мы взяли синтаксические теории Е.С. Скобликовой, П.А. Леканта, В.В. Бабайцевой, так как, на наш взгляд, в них представлена типология односоставных предложений, активно используемая современной научной практикой.

На основании работ И.Н. Ковтуновой, Ю.М. Лотмана, мы установили некоторые характерные черты поэтического синтаксиса, которые нашли подтверждение в поэзии Н. Рубцова, например, авторизованность, многозначность поэтической речи, высокая информативность, т.е. способность передавать большой объем информации на участке небольшого по размеру текста.

Также нам важно было не только зафиксировать количество текстов, лингвистических фактов, подтверждающих наше предположение о том, что поэт активно использует в своей поэтической речи односоставные предложения, но и определить особенности функционирования отдельных типов односоставных предложений в поэтическом синтаксисе Рубцова.

Необходимо отметить, что такие задачи, как описание отобранного лингвистического материала с разных точек зрения: с точки зрения

соответствия несоответствия его лингвистической теории, а также с точки зрения особенностей функционирования разных видов односоставных предложений в поэтическом тексте, с точки зрения взаимодействия единиц поэтического текста, в частности, установления соответствия между структурой, семантикой и функционированием односоставных предложений в отдельных стихотворениях Рубцова и выводы о некоторых особенностях поэтического синтаксиса Н. Рубцова приходилось решать самостоятельно, так как специальных работ по нашей проблеме немного, более того, не встречалось в статьях лингвистов (только в работах литературоведов и методистов, например, Т.К. Донской [Донская 1999, 44-45], отмечено комментирование синтаксиса Н.Рубцова).

Мы пришли к выводу: наиболее частотными типами односоставных предложений для поэтического синтаксиса Н. Рубцова являются **определенно-личные предложения**, которые лаконичны, отсутствие подлежащего позволяет все внимание читателя сосредоточить на действии. В большом количестве используются также безличные предложения, указывающие на состояние человека, состояние природы и др. В отличие от синонимичных двусоставных предложений безличные предложения подчеркивают стихийность явлений и произвольность действий и это обстоятельство делает их актуальными для языка Рубцова.

Номинативные предложения - выразительная синтаксическая конструкция, помогающая автору передать картины быта, действия, не зависящие от деятеля, и при этом выразить свое отношение к ним, что свидетельствует о субъективной модальности таких структур в поэзии Рубцова. Широко встречаются также неопределенно-личные и инфинитивные предложения. Инфинитивные предложения совмещают в себе и ярко выраженную авторизацию и определенную модальность, связанную со значением побуждения или желательности. Также важно рассмотреть

переходные модели, находящиеся на границе между типами простого предложения с отдельными разновидностями односоставных предложений.

Функционирование отдельных разновидностей односоставных предложений в поэзии Н. Рубцова приобретает некоторые особенности, в частности, односоставные предложения зачастую представляют сегментированную конструкцию из двусоставных предложений, неопределенно-личные представляют собой переходную конструкцию между односоставными и неполными двусоставными, а номинативные предложения часто распространены, что тоже переводит их в разряд переходных, поскольку детерминирующие распространители указывают на нулевое сказуемое.

Исследование особенностей поэтического синтаксиса Н. Рубцова может быть продолжено, например, проведение сравнения функций односоставных и двусоставных предложений, использование изобразительно - выразительных средств и черты экспрессивного синтаксиса и т.п.

Как уже было отмечено, серьезные исследования поэтического синтаксиса языка русского поэта Н. Рубцова еще впереди, что подтверждает **перспективность** исследования. Рассмотрение функционирования односоставных предложений в поэзии Рубцова и - шире - исследование языка поэзии до сих пор, т.е. и в начале XXI в., остается проблемой актуальной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1.Акимова, Г.Н. О некоторых особенностях поэтического синтаксиса / Г.Н. Акимова //Вопросы языкознания. 1977. № 1. - С. 96 -108.
- 2.Абрамов, А.И. К вопросу об обращении в современном русском языке /А.И. Абрамов//«Славянский сборник», вып. II. Изд-во Воронежского университета, 1958. - С. 12-18.
- 3.Акимова, Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка/ Г.Н. Акимова. - М., 1990. - 168с.
- 4.Артюнова, Н.Д. Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение/ Н.Д. Артюнова, Е.Н. Ширяев. - М., 1983. - 198с.
- 5.Бабайцева, В.В. Односоставные предложения в современном русском языке/ В.В. Бабайцева. - М., 1968. - 160 с.
- 6.Белошапкова, В.А. Современный русский язык / В.А. Белошапкова, Е.А. Брызгунова и др.//Учебник для вузов. - М., 1989. - 800с.
- 7.Бондарко, А.В. Вступительные замечания. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Пассивность. Обусловленность/ А.В. Бондарко. - СПб., 1996. - 229с.
- 8.Бондаренко, М.А. Поэзия Николая Рубцова/ М.А. Бондаренко. Литература в школе, 1984. № 1. – С. 14 -16.
- 9.Виноградов, В.В. О языке художественной литературы/ В.В. Виноградов. - М., 1980. - 360с.
- 10.Виноградов, В.В. О теории поэтической речи / В.В. Виноградов. 1962. № 2. - 361с.
- 11.Виноградов, В.В. Введение в синтаксис /В.В. Виноградов, Грамматика русского языка, т. II. - М.: Учпедгиз, 1954. - 704с.
- 12.Валгина, Н.С. Синтаксис современного русского языка/ Н.С. Валгина. - М., 1978. - 416с.
- 13.Вопросы синтаксиса современного русского языка. Под ред. В.В. Виноградова /В.В. Виноградова. - М., 1950. - 410с.
- 14.Галкина-Федорук, Е.М. Безличные предложения в современном русском языке/ Е.М. Галкина-Федорук. - М., 1958. - 334с.
- 15.Гвоздев, А.Н. Современный русский литературный язык. Ч. II. / А.Н. Гвоздев. - М., 1973. - 406с.
- 16.Гинзбург, Л. О лирике /Л. Гинзбург, Л., 1964. - 384с.

17. Григорьев, В.П. Поэтика слова/ В.П. Григорьев. - М., 1979. - 224с.
18. Донская, Т.К. «Русская национальная школа»// Очерки по методике русского языка / Т.К. Донская. - СПб, 1999. - С. 34-45.
19. Дементьев, В. Избранные произведения в 2-х томах/ В. Дементьев. - М., 1982. - Т. 1. 750с., Т.2. 650с.
20. Долин, Ю.П. О грамматической форме предложений типа Была зима. На улице тишина/ Ю.П. Долин// Русский язык в школе. 1995. № 4. – С. 27-29с.
21. Золотова, Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса/ Г.А. Золотова. - М. 1982. - 368с.
22. Золотова, Г.А. К типологии простого предложения /Г.А. Золотова// Вопросы языкознания. 1978. - № 3. - С. 49-61.
23. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка/ Г.А. Золотова. - М., 1973. - 352с.
24. Зуев, Н.Н. Поэзия Николая Рубцова /Н.Н. Зуев// Литература в школе. 1984. - №1. – С.44- 48.
25. Зуев, Н.Н. Николай Рубцов и национальная поэтическая традиция/ Н.Н. Зуев// Литература в школе. 1996. - № 1. С. 12-16
26. Ковтунова, И.И. Поэтический синтаксис: монография/И.И. Ковтунова. - М., 1986. - 208 с.
27. Кожина, М.Н. О стилистическом изучении речи и речевом функциональном стиле/ М.Н. Кожина //Исследования по стилистике УЗ Пермского ГУ, № 160. – Пермь, 1966. - С. 128-136
28. Кожинов, В.В. Николай Рубцов. Заметки о жизни и творчестве поэта / В.В. Кожинов. - М., 1976. - 88с.
29. Лекант, П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке /П.А. Лекант. - М., 1974. - 160с.
30. Лекант, П.А. Структура синтаксической категории лица /П.А. Лекант //Грамматические категории предложения и его структура. - М., 1982. - 204с.
31. Лекант, П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке /П.А. Лекант. - М., 1976. - 141с.
32. Ломов, А.М. Типология русского предложения /А.М. Ломов. – Воронеж. 1994. - 280с

33.Лотман, Ю.М. Анализ поэтического текста (Структура стиха) /Ю.М. Лотман. - М., 1972. - 272с.

34. Рубцов, Н. По струнам души. Сборник стихотворений» /Н. Рубцов. - М., 2017. - 34с.

35.Оботуров, В. Искреннее слово. Страницы жизни и поэтический мир Николая Рубцова /В. Оботуров. - М., 1987. - 254с.

36.Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. - М., 1956. 152с.

37.Попов, А.С. Изменения в употреблении номинативных предложений /А.С. Попов. Развитие синтаксиса современного русского языка. - М., 1966. - С. 10-64.

38.Попов, А.С. Обращения - предложения в современном русском языке/А.С. Попов. 1958. - №5. С. 36-39.

39.Проничев, В.П. Типы и модели именных односоставных предложений в современном русском языке /В.П. Проничев. - М., 1989. - 142 с.

40.Распопов, И.П. Строение простого предложения в современном русском языке/И.П. Распопов. - М., 1970. - 191с.

41.Русская грамматика под ред. Шведовой / Н. Ю. Шведова. - М., 1980. - ч. 1-2. 783с.

42.Сиротинина, О.Б. Лекции по синтаксису русского языка / О.Б. Сиротинина. - М., 1980. - 74с.

43.Скобликова, Е.С. Односоставные предложения. Цикл лекций по спецкурсу «Описательный синтаксис современного русского языка» /Е.С. Скобликова. - Куйбышев, 1977. - 70с.

44.Степанов, Ю.С. Личности – безличности категория /Ю.С. Степанов. Лингвистический энциклопедический словарь. - М. 1990. - С. 272-273.

45.Тимофеев, К.А. Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке/К.А. Тимофеев. Вопросы синтаксиса современного русского языка. - М., 1950. - 248с.

46.Федоров, А.К. Трудные вопросы синтаксиса /А.К. Федоров. - М.: Просвещение, 1972. - 239с.

47.Фиронов, А.П. Человек и мир в русской поэзии «традиционной» Школы/ Дис. ...канд. фил. наук /А.П. Фиронов. – Воронеж, 1998. - 183 с.

48.Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка /А.А. Шахматов. - Л., 1941. - 624с.

49. Шемякин М.А. О семантике неопределенно-личных предложений /М.А. Шемякин // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. - СПб, 1991.- 130с.

50. Широко по Руси. Страницы жизни и творчества Н. Рубцова// Наш современник. 1981. №2. - С. 120-124.